

ISSN 0012-6756



**Дружба
народов**

8/2023



В номере:

«Куда мы с ребёнком?..»

Пара молодых грабителей — Ира и Миша (Бонни и Клайд?) — в романе Родиона БЕЛЕЦКОГО «Чужой ребёнок» промышляют тем, что вырывают сумки из рук прохожих. И однажды случайно крадут у цыганки уже до них сворованного ребёнка. От недоумения и со страха им приходится стать родителями малыша. И... как-то втянулись они в эту роль.

«Это было невероятное удовольствие целовать Ванечку в тёплую щёчку и видеть, как глаза его раскрываются, словно бутоны, и как он быстро находит тебя сонным ещё взглядом и сразу улыбается, расцветает улыбкой, начинает сиять, словно внутри его включили свет, и тянется к тебе ручками, пытается обнять». Они и не предполагали, как далеко заведёт их это решение.

Некоторые из могикан

Повесть Сергея РЯЗАНЦЕВА «Не знали наши папы» — повесть взросления и выживания в небольшом молдавском городке в начале 90-х:

«Когда в городе отключали свет и веяло октябрьской сыростью, мы начинали томиться в подъездах наших зазноб, настойчиво скрестись в заветные двери. Мы мечтали вырасти и остаться. Мы даже давали что-то вроде клятвы верности нашему изумрудному городу. ... Мы хотели остаться в отместку отцам. Тем, кто сдался первыми. Тем, кого сманила на войну реклама “Сникерса”. Но потом уехали наши матери. Уехали в противоположную от отцов сторону. Так они потом и не встретились».

«И вновь пространство как идея»

В поэзии Сергея ЗОЛОТАРЁВА много игровых приёмов, которые приводят к неожиданному и даже трагическому осмыслению жизни: «боль как средство коммуникации —/ это всё что осталось нам».

Поэтическое пространство Феликса ЧЕЧИКА определяют не только реальная география, но и мечта, и ностальгия: «И очутиться на мгновенье/ под небом средней полосы,/ где памяти сердцебиенье,/ что “Командирские” часы».

В лирике Веры ЗУБАРЕВОЙ — свой сокровенный мир, своя атмосфера воспоминаний: «Скомкан ветром мир бумажный. Проступают из вчера/ Старый дом многоэтажный,/ Запах моря, тишь двора».

Стихи Ники БАТХЕН из другого исторического пространства-времени: русские богатыри, Орда, Калка, и в воздухе вопрос: «С размаху канешь в небо, крикнешь “чей я?”»

Рубрика «Золотые страницы ДН» посвящена столетию поэта

Расула ГАМЗАТОВА, многолетнего автора и друга нашего журнала.

Собкор и волонтерка

В рубрике «Нация и мир» журналист-востоковед Владислав ДУНАЕВ делится многолетними наблюдениями о влиянии русских на быт и культуру японцев, а недавно вышедшая замуж и уехавшая в Черногорию Ольга ЛИПКО рассказывает об опыте постижения и обживания нового для нее мира.

Осколки прошлого

«Событие — чей-то разговор, взгляд, пришедшее на ум сравнение, зачаток рассказа. В дневнике я выстраиваю сюжет дня, сюжет не равен дню, равенство невозможно. День-месяц-год — координата. Указатель в никуда... В дневнике нет никакого времени — вот что я пытаюсь объяснить», — предупреждает читателя прозаик Елена ДОЛГОПЯТ. 21-й год канул. XXI век длится.

Дружба народов



8'2023

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.06.2023.
Подписано в печать 24.07.2023.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Сергей
ФИЛАТОВ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей ЗОЛОТАРЁВ. Боль как средство коммуникации. <i>Стихи</i>	3
Родион БЕЛЕЦКИЙ. Чужой ребёнок. <i>Главы из романа</i>	7
Феликс ЧЕЧИК. Где памяти сердцебиенье. <i>Стихи</i>	64
Сергей РЯЗАНЦЕВ. Не знали наши папы. <i>Повесть</i>	68
Вера ЗУБАРЕВА. Пчелы золотой сосуд. <i>Стихи</i>	99
Елена БЕЗСУДОВА. Рассказы из книги «Цифры и буквы»	101
Андрей ЛАДОГА. Протезная улыбка судьбы. <i>Рассказы</i>	128
Ника БАТХЕН. Звезда Ковыль. <i>Стихи</i>	152
Ирина ГОРОШКО. По соглашению сторон. <i>Рассказы</i>	155
Мирослава БЕССОНОВА. Люди ходят по воде. <i>Стихи</i>	170
Денис КАЛЬНОВ. Мальчишеский кульбит. <i>Стихи</i>	172
Екатерина ЗЛАТОРУНСКАЯ. А почему не надо бояться? <i>Рассказ</i>	174

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ДН»

«В поэзии нет карьеры, а есть судьба». <i>К столетию со дня рождения</i> <i>Расула Гамзатова (1923–2003)</i>	198
---	------------

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Елена ДОЛГОПЯТ. 2021. Это видят: Доступно всем	205
--	------------

НАЦИЯ И МИР

Владислав ДУНАЕВ. Русские в Японии	230
Ольга ЛИПКО. Волонтерка, или Моё место на Земле	242

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. В поисках радости	264
--	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Сиреневый туман	268
-------------------------------------	------------

На нашей вклейке

Ольга ЛИПКО. Я живу радый морю

Summary	272
----------------------	------------

Сергей Золотарёв

Боль как средство коммуникации

* * *

мы идём по долинам по глинам
но свои ли мы линии гнём
ежедневное солнце по блинным
разливая топлёным огнём?

серебристое дерево явор
с сильно развитым телом земли
и хмельной головою кентавра
облетает куда бы ни шли

а железной дороги составы
тормозные влачат башмаки
вот казалось бы — просто подстава
а не тронешься как ни беги

спят кусты утончённых акаций
и строений тупые углы
вся ли ткань хочет с нами сдвигаться
относительно швейной иглы?

за околицу выгляни — сколько
умягченья у этих основ?
потому и древесные кольца
можно резать как стопку блинов

Золотарёв Сергей Феликсович — поэт, прозаик. Родился в 1973 году. Учился в Государственной академии управления им. Серго Орджоникидзе. Автор двух поэтических сборников: «Книга жалоб и предложений» (М., 2015) и «Линзы Шостаковича» (М., 2020). Лауреат премий журналов «Новый мир» (2015) и «Дружба народов» (2021). Живёт в г. Жуковском.

* * *

лежит в яслях кузнечик маленький
вокруг животные и злаки
и на устах играют смайлики
а в ручках лайки и дизлайки

он ножкой может выжать музыку
как утопить акселератор
но красота имеет узкую
специализацию собрата

и надо всё делить на тысячу
а хлеб вообще так тысяч на семь
вот почему кузнечик высечен
как искра из того что гасим

и крошки как осколки зеркала
собрал в ночном калейдоскопе
он крутит оптику коверкая
язык реальности до копий

когда-то мы в трубу фабричную
смотрели в оба и видали
в гробу судьбу несимметричную
распавшуюся на детали

а он собрал своим тонюсеньким
присутствием в голосовое
осообщение всю музыку
и нам с тобой её присвоил

* * *

в прошедшем времени неправильным глаголам
стоять невмочь им хочется бежать
в воскресную прихрамовую школу
будущее время искажать

в прошедшем времени застывшего немного
французское кладбище восьмьсот
двенадцатого года да дорога
которая идущего пасёт

прошедшее по ней обратно время
уйдя в песок и дальше на Смоленск
сидит и ждёт из мира выдворенья
осмыслив пустоту и осмелев

используя счастливые моменты
как вечности самой противовес
когда о *moги* незачем *memento*
минувшего во времени — фрагменты
да и в прошедшем — времени в обрез

* * *

тележку выкатив во двор
я вижу меж ветвей разумных
и кромкой воздуха зазор
как ученический рисунок

несовпадение вещей
и в них заложенной программы
присуще жизни вообще
и только смерть как «папа-мама»

стыкует намертво торцы
оплакивая их в мазуте
сведя начала и концы
неразличимые по сути

обнявшись в поезде Москва —
Иваново на верхней полке
совпав на восемьдесят два
процента было приумолкли

единым сделавшись с тобой
ориентальным и цветочным
узором с лёгкой худобой
где всё — малейшая неточность

но рассвело и расплелись
и вновь пространство как идея
поделено на даль и близь
и полное несовпадение

* * *

мы не можем прийти к одинаковым
результатам мой маленький друг
или атом не конченный вакуум
или точка не солнечный круг

или небо настолько прозрачное
что пробившая нёбо насквозь
горловыми узлами охвачена
исчезает молочная кость

или чучельник выложил в паблике
как случайно попавшие в сеть
набивает соломою яблоки
и по новой их учит висеть

* * *

я советский домовый
 мне б укрыться с головой
 образцовым содержаньем
 словно формою живой

натянуть до подбородка
 плед работы Марка Ротко
 и смешать его поля
 и увидеть как из света
 переносит в тень земля
 благодарные предметы

как проветривает осень
 что на дух не переносим —
 как обратно вносит в дом
 чашки ложки блюда чайник
 генератором случайных
 чисел дядюшка Рандом

как покрыв портретом Хэма
 всю советскую богему
 вою баю и пою
 как хочу Волчком Норштейна
 сохранять благоговейно
 смерть союза как свою

* * *

бесшумных комаров придумали друзья
 как объяснить ещё что эта чаша с кровью
 моею жертвенной несомая сия
 сияет тихо в изголовье?

зияет мимо ибо пронесли
 её насквозь и далее по плану
 серебряный потир изогнутой земли
 неспящий насекомый Гефсимана

и я лежу как если бы к двери
 молочный зуб ребёнка привязали
 и жду когда погаснут фонари
 и свет войдёт с горящими глазами

* * *

капля падает гнутой сферою
 а расплющивается крестом
 это опыт Луи Пастера
 в консервации на потом

так давай начинать ласкаться
 что ли ластиться к временам
 боль как средство коммуникации —
 это всё что осталось нам

Родион Белецкий

Чужой ребёнок

Главы из романа

Глава 1

И был большой город. И жила в нём пара, которая промышляла тем, что вырывала сумки из рук прохожих. То есть совершала открытое хищение чужого имущества — иными словами, грабёж. 161-ая статья Уголовного кодекса Российской Федерации.

И звали молодых людей Ирина и Михаил. Были они поджарыми, одного роста и вечно голодными. До секса тоже.

Хоть воровство вошло у них в привычку, волнение перед очередным делом их не оставляло. Они подолгу сидели в машине и собирались с духом.

— Как я выгляжу? — спросила Ира, наблюдая за прохожими через лобовое стекло.

— Ты будешь в маске, — ответил Миша, не глядя на неё.

— И что мне теперь, как уродке, бегать, да?

Миша повернулся и посмотрел на Иру внимательным образом.

— Ты — богиня! — сказал он.

— Если крепко держать будет, сразу отпускаяй, — сказала Ира, за пять минут до преступления она не верила комплинтам.

— Нет, я, блин, встану и буду сумку из рук выдёргивать!

— Ты так делал.

— Не делал я так ни разу, — сказал Миша.

Он знал, что Ира была права. Совсем недавно, на Проспекте Мира он вцепился в поддельную сумку «Гуччи», дёрнул и потащил на себя хозяйку, квадратную женщину за пятьдесят, которая сражалась за сумку, словно там лежал приказ о её помиловании.

Так они и стояли на фоне мечети и тянули сумку в разные стороны, пока Миша не сообразил и не отпустил порядком растянутые дерматиновые ручки.

Белецкий Родион Андреевич — прозаик, сценарист, драматург. Родился в 1970 году в Москве. Окончил ВГИК (мастерская Н.Н.Фигуровского). Пьесы ставились во всех крупных городах России и за рубежом. Автор сценариев 30 сериалов. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература» и др. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 8.

Роман «Чужой ребёнок» выходит в «Редакции Елены Шубиной» (издательство АСТ) осенью 2023 года.

— И не надо ко мне близко бежать, — сказал Миша. — Так сразу видно, что мы вместе.

— Боишься, что меня примут? — спросила Ира.

— Да кому ты нужна.

— Подонок, — сказала Ира и притянула Мишу к себе.

Целовался Миша лучше всех в Москве. А может быть, и в России. Ира была в этом точно уверена. У неё был опыт.

— Осторожно. Помада, — сказала Ира, и они поцеловались ещё раз.

— И чего? Ты же в маске будешь? — спросил Миша, растёгивая ширинку.

Ира сделала круглые глаза.

— Застегни обратно! — приказала она

Обычно её приказов Миша не слушался.

— Ир, давай, а? — он потянул к ней свои ручки.

Прохожие за окнами его не смущали. Её, впрочем, тоже.

— Мы на работе, — сказала Ира строго.

— Мы быстро.

— Нам за квартиру платить! — она знала его слабые места.

Впрочем, ничего оригинального: чувство вины, синдром мужика, «слабо» и ещё две-три болевых точки. И чувство ответственности, кстати. Несмотря на судимость.

Миша глубоко вздохнул, застегнул молнию на брюках и насупился:

— Короче, ты мне нужна просто для страховки. На рожон не лезешь. Сбоку всегда. Что бы ни случилось, сам разберусь.

— Может, я тебе вообще не нужна?

— Ир, я тебя прошу, не лезь в бутылку. Послушай. Я сумку дёргаю — и по Петровке. Просто будь рядом.

Миша полез в карман за сигаретами. Ира подождала, когда он открыл пачку, после нескольких попыток сорвав с неё целлофановую рубашку.

— Не кури. Тебе бегать, — сказала она.

Миша сделал гримасу, убрал. Посидели ещё.

— Ладно, выходим, — сказал Миша.

Пошли против людского потока. Старый жигуль остался у них за спиной. На номер Миша налепил бумажку от сигарет.

Шли плечо к плечу, обходя прохожих. Ира вытащила белую с тесёмками маску, но надевать её не торопилась. Миша это заметил.

— Надевай, — сказал Миша. — Скажи спасибо, что не такая, как зимой мы носили.

— Ненавижу эти гондоны, — Иру аж передёрнуло.

— Балаклавы они назывались.

— Знаю, — сказала Ира и добавила: — пожалуйста, дёргай лучше у баб.

— Ага, — Миша нервно зевнул. — Помнишь, как та тётка? За собой её тащил километр!

— Я помню, как тебе мужик зуб выбил, — сказала Ира.

— Ладно, проехали.

Миша остановился. Остановилась вслед за ним и Ира.

— Вон та, — Миша кивнул.

— Где?

Пришлось показать рукой:

— Вон.

Далеко впереди стояла женщина в джинсах, с сумкой в руке. Держала сумку за ручки. Прямо на их глазах женщина поменяла позу.

— Теперь двумя руками держит, — сказала Ира.

— Не слепой, вижу, — сказал Миша. — Сейчас отпустит.

— Кого отпустит?

— Руку вторую отпустит.

Говоря, Миша разминал ноги. Бывший спортсмен без разминки не бегал.

И, действительно, женщина поменяла руку. Стояла, разглядывая витрину, в которой одна пара туфель стоила как весь Кузнецкий мост.

— Всё, — сказал Миша. Это был сигнал.

— С Богом, — сказала атеистка Ира и натянула маску. — Я рядом.

— Не лезь, главное!

И Миша побежал. Уверенно, красиво, быстро, хоть сейчас в сборную. На бегу склонил корпус вправо и резким движением вырвал сумку у женщины. Та взмахнула крашеной чёлкой и раздался мощный, тренированный вой:

— А-а-а! Ты чего?! А-а-а! Украли!!! Держи! Держи! Украли! Украли! Украли!

Тёткин крик перекрыл все уличные шумы. Люди стали поворачивать головы, но Миша под визг тормозов уже перебежал Петровку. Он поймал дыхание, прибавил скорость, резво свернул в Столешников переулок, потом через Дмитровку в Камергерский. А там он знал одну незаметную арку.

* * *

Я никак не могла найти работу. Сидела на очередном собеседовании и читала вслух только что написанное тестовое задание. По мере чтения у заказчицы округлялись глаза. Хотя, к слову сказать, они и так у неё были навывкате.

— Если человек ни разу в жизни не принимал решения, — Юлия читает с выражением, — если он до сих пор живёт с мамой, если он продолжает перекладывать ответственность на всех, кроме себя, и чистит зубы пальцем, если ему в принципе некуда пойти и, тем более, не в чем, — мы готовы принять его на наших курсах...

— Подождите, подождите, — заказчица не выдержала и перебила, подавшись вперёд. — Это вы написали в качестве?..

— Да, — сказала я. — Это реклама ваших Курсов Европейского Успеха. Тестовое задание.

Заказчица сложила губы в куриную гузку.

— Понятно, — прошипела она. — Юлия, мы вам перезвоним.

Надо ли говорить, что звонка от неё я могла ждать до второго пришествия? Почему меня не хотят брать в дружные, сплочённые коллективы? С дисциплиной у меня всё нормально. Внешность — терпимая. Три с двумя плюсами. Характер только плохой. Не такой, как у отца, но тоже плохой.

В тот день у меня было ещё одно собеседование. Менеджер с толстой шеей сказал:

— Расскажите о себе.

— Закончила МГУ, — говорю, — факультет журналистики. На последнем курсе мне пришлось...

Но продолжить он не дал:

— График работы у нас ненормированный.

Я на него посмотрела, как на врага народа, и спрашиваю:

— Мне дальше рассказывать?

— Да, — говорит, — конечно, прошу вас.

Сбил с мысли, но я продолжила:

— На последнем курсе устроилась в рекламную фирму...

И опять он перебивает. Встревает такой на позитиве:

— И в целом мы даже приветствуем, когда люди начинают жить интересами фирмы.

— Это в смысле? — спрашиваю.

— Когда готовим проект, для нас обычное дело, если сотрудники задерживаются.

Не ради денег — ради общей цели!

Тут я начинаю всё понимать:

— А вы деньги вообще платите?

А он мне такой:

— Юлия, вы из тех, кого прежде всего интересуют деньги?

— Интересуют, да.

Мой ответ менеджеру не понравился.

— Первый месяц испытательный. Мы смотрим на вас, вы — на нас. Оплата не производится.

Ну я встала и ушла. Не помню, дверью хлопнула или нет. Хотя надо было, по-хорошему. Ушла, короче, с максимально высоко поднятой головой.

Мне нравилась старая работа. Но главный не понимал, почему меня постоянно нет на месте. Попыталась объяснить, что мне отец мозг выносит, говорила, что я в няньку давно превратилась. А он такой:

— Найми сиделку.

— Не хочет он сиделку, — говорю.

Главный аж поперхнулся и говорит:

— Даже я хочу сиделку! Все хотят сиделку! Выйди на улицу и спроси любого! Каждый хочет сиделку!

— Это каждый, — говорю, — а он упёрся.

— Я не знаю тогда, что делать, — сказал главный. — Ты дурная, конечно, но меня всё устраивает, если ты нормально работаешь.

В спину мне дышала жирная Настя. Она и заняла моё место.

Надо было собраться с силами и поговорить с отцом. Но в этот раз я не смогла. Вернулась домой, только дверь открыла, а он уже голосит:

— Юля! Юля! Юленька!!!

И всё это голосом умирающего праведника. Перед ним стоял обед, который я приготовила, встав в шесть утра.

— Что, пап? — спрашиваю.

А он тычет в тарелку пальцем и верещит:

— Это мясо?!

— Не кричи, пап.

А он ещё громче:

— Ты же знаешь, что я не ем мяса!!!

Я его чуть не прибила.

— Это — тунец, — говорю.

— Это точно тунец?

— Да, это тунец. Мясо тунца.
— Значит, это мясо?! Я не ем мяса, ты же знаешь!!! — Руки ко мне протянул, как герой из греческой трагедии.

А я ему:

— Это рыба, папа!

Но Царя Эдипа было уже не остановить.

Я сама была, как рыба тунец. Меня поймали, бросили на палубу и я, выгибаясь всем телом, выпучив глаза, хлопала ртом, а сказать толком ничего не могла. И я задыхалась.

— Принеси мне судно, — орал мой папенька.

И я несла.

* * *

В тишине открылась и хлопнула дверь, притянутая ржавой, но мощной пружиной. Миша с сумкой в руке проскользнул в тёмный подъезд.

— Котик, ты здесь? — спросил он негромко.

Ира вышла из темноты.

— Перестань называть меня котиком!

В подъезде откликнулось эхо. Оба заметили это, и оба, не сговариваясь, стали говорить тише.

— Это было бомбически! — объявил Миша. — Ты видела, как я рванул?! Ты видела?! Просто в точку ушёл!

— Я подвернула ногу, — сказала Ира.

Миша убрал улыбку с лица:

— Когда ты успела?

— За тобой бежала, под ноги не смотрела. На тебя смотрела. И подвернула, прямо под себя. Больно.

Миша нагнулся:

— Покажи.

Ира отступила назад:

— Лучше сумку мне покажи.

— Давай отойдём, — сказал Миша.

Они поднялись на площадку между первым и вторым этажом. Ира преодолела ступеньки не хромая. Миша поставил сумку на подоконник и расстегнул молнию.

— Ноутбук!!! — вскрикнули они одновременно, несмотря на конспирацию.

«Бук- бук- бук», — сказала эхо.

— Жизнь продолжается! — сказал Миша.

— Я заказала кофточку, забыла тебе сказать, — Ира очаровательно пожала плечами.

Миша нахмурился:

— Мы за квартиру ещё не заплатили.

— На всё хватает, — сказала Ира. — Что там ещё?

Переложив аккуратно ноутбук на подоконник, они начали потрошить сумку.

— Не пойму... — сказал Миша, — Игрушки. Соска, смотри.

Жёлтая резиновая белочка для купания пискнула у Миши в руке.

— Кошелек нет? — строго спросила Ира.

Сдвинув игрушки в сторону, Миша порылся в сумке основательно.

— Нет, — ответил он, поднимая голову.

— Блин, — Ира расстроилась. — Ничего больше брать не будем. Сумка дишманская.

— А игрушки? Они новые.

— У тебя есть дети?

— Нет, — сказал Миша, подумав.

— И у меня нет, — сказала Ира. — Кроме тебя.

* * *

Я ощущала себя подушкой. Большой, со складками, потрёпанными углами. Меня сминали, встряхивали, взбивали сильными ударами, прежде чем положить себе под голову. Повернуться, уткнуться в меня слюнявым лицом — вот тут я была кстати. А ночь прошла — запулили подушку в угол и забыли. Не нужна, чего о ней думать? Пусть валяется до следующей надобности.

Всё изменилось, когда я вернулась домой, не дойдя до метро. Забыла телефон. Вошла вся в своих мыслях. В основном, мысли были о том, насколько я ничтожная личность. Осторожно прикрыла дверь, чтобы отец не разорался и, забрав телефон с подставки для обуви, заглянула в комнату. Просто проверить больного. Заглянула и окаменела.

Мой папа, который третий год не вставал с кровати, инвалид моего сердца, стоял на своих двоих перед включённым телевизором и, переминаясь с ноги на ногу, ел зефир.

Сначала я не могла поверить своим глазам. Говорят, чудеса встречаются не только в кино, но чтобы у меня в гостиной! Отче мой тем временем спокойно подошёл к столу, взял две зефирины из раскрытой пачки, одну надкусил и, вразвалочку, вернулся к телевизионному ящику.

— Папа... — сказала я тихо.

Он обернулся, испугался и тут же закачался, словно собирался упасть. Но не упал.

— Ты что, ты... ходишь?! — спросила я.

— Это... я случайно, — сказал папа. — Сейчас...

И он на моих глазах, словно я ничего не вижу, поковылял к кровати и рухнул на неё с театральным стоном.

На экране телевизора тем временем весело плясала зебра в клеточку.

— Я не стою, Юлечка, — сказал он мне после того как лёг.

Но я хоть и была в глубоком шоке, способности соображать не утратила.

— Ты, — говорю, — не просто ходишь, ты ещё и подпрыгиваешь!

— Разве? Я случайно!

И тут меня прорвало. Я прямо заорала:

— Перестань морочить мне голову! Ты притворялся?! Ты всё это время притворялся?!

Я так громко это выкрикнула, что у меня у самой зазвенело в ушах, а в глазах пронеслись многочисленные ночные горшки, скандалы на пустом месте, как я тысячи раз отпрашивалась с работы и ползала возле кровати, собирая тряпкой разлитый суп.

— Нет, Юлечка, я не притворялся! — упорствовал папочка.

— Всё! — сказала я. — Нанимаю тебе сиделку.

Папа закатил глаза. Артист погорелого театра!

— Юлия, мне плохо. Кружится голова. Принеси коробку.

Феликс Чечик

Где памяти сердцебиенье

* * *

Ты спишь, и сны твои позорны.

Д.Новиков

Не веря на слово и слову
давно — не вдруг,
вернулся к дедушке Крылову
заблудший внук.

Из палестин чужих, не наших,
приехал, чтоб
живой воды из Патриарших
испить взахлёб.

Ну что с него возьмёшь, с француза:
француз и есть —
ему что Волочёк, что Руза,
что ум, что честь.

Что на дворе декабрь и горечь,
и тчк.
Ах, Лафонтен Иван Андреич,
прости внучка.

Дай бронзовую руку, ну-ка,
на раз-два-три:
по небу лебедь, рак да щука
летят — смотри!

Феликс Чечик — родился в 1961 году в городе Пинске (Белоруссия). Окончил Литературный институт им. А.М.Горького, стажировался в институте славистики Кёльнского университета (проф. В.Казак). Автор многочисленных поэтических книг и журнальных публикаций. Лауреат «Русской премии» за 2011 год и международной премии им. И.Ф.Анненского (2020). С 1997 года живет в г. Нетании (Израиль).

Стихотворение, присланное из Германии

Откладывая жизнь на завтра,
себя растратив до гроша,
увидеть родину внезапно,
листвой Тиргартена шурша.
Берёз белеющая стая,
осин неровные ряды...
Одна и навсегда шестая
под управлением беды.
Увидеть родину на Рейне —
плывущей баржами на юг,
дым принимая за горенье
и за спасение недуг.
И очутиться на мгновенье
под небом средней полосы,
где памяти сердцебиенье,
что «Командирские» часы.

Из цикла «Стихи Юлиане»

От невзгод и от сомнений
помогает, помолясь,
византийских песнопений
незатейливая вязь.
Кто на связи? Я на связи
поднебесья и небес, —
это как лететь на ВАЗе,
обгоняя «мерседес».
И, хмелея от сунели,
под ногтями холя грязь,
снова выйду из шинели,
в телогрейку возвратясь.
Греза небом, вижу лужи
в окружении морей,
ничего не зная лучше
телогреечки моей.
Песнопения? Музыка?
Голубая кровь? Князья?
И безмолвию заика
набивается в друзья.
Жизнь длинна, а век недолог.
Рот беззуб. Пышны усы.
Самопальный византолог
среднерусской полосы.

* * *

Ося, родной, далёкий друг!

Н.Мандельштам

Нет, не в праве завидовать Осе
разнотравье и разноголосье,
но завидуют вечно ему,
посрамившему время и тьму,
лебедя, подорожник, крапива,
воробьи, трясогузки, грачи.
Чудо чудное! Дивное диво!
Трав и птиц недовольство в ночи.
Потому что седыми ночами
это имя тревожит молчанье,
до и после им спать не даёт.
Летних рос ли, летеиских ли вод
разговор по душам, без границ?
Трав пожухлость. Безмолвие птиц.
Ночь под утро сосулькою тает,
а потом превращается в лёд...
И пайковые книги читает,
и колхозному баю поёт.

* * *

Когда Минздрав предупреждал,
что вреден Данте и Новалис,
как неземной материал —
мы этому сопротивлялись.
Происхождение своё
потустороннее скрывая,
предпочитали забытьё
в депо идущего трамвая.
Предпочитали немоту
пустопорожним разговорам,
и схватывали на лету,
и снова прятались по норам.
Как будто в зеркале примат,
своё увидев отраженье,
не порицает сопромат,
но отрицает возрожденье.
И он не может не смотреть,
он слышит канувшего эхо
и видит будущего смерть
и плачущего человека.

* * *

Она ему читает Чехова,
в постели лёжа перед сном,
на пятом этаже в Орехово-
Борисово, где за окном
во тьме осенней лесопарковой
растерянная тишина,
лишь молния блеснула сваркою,
да светит изредка луна.
На фоне мглы и неба хмурого —
молчанье птиц наперебой,
напоминающее Гурова
и разговор с самим собой.
Свет выключили. Дождь за окнами.
Дом обволакивает тьмой.
Счастливые — неодинокими
уснули... Анна! Боже мой!

* * *

15-го — утро — октября
спешу на службу, как всегда, к шести.
Фосфоресцируют при свете фонаря
улиточки осенние пути.
Улиток нет. Неведомо куда,
неведомо зачем они ушли.
И по веленью мокрого следа
я оказался на краю Земли.
В далёкий край не собирался я, —
на службу собирался и пропал.
И я попал в Бутан небытия,
где в небесах горит рассвет-пропан!
Я никогда не возвращусь назад,
забуду дом и родину свою.
А Министерство Счастья — это ад
в чужом отполированном раю.
Не радуют дуары. Чай — моча.
Рис опротивел. Греча снится мне.
Бредут коровы, на своём мыча,
и оттого не по себе вдвойне.
И эта не кончается страда,
а только увеличится зимой.
Бредут мои улиточки стада —
сквозь Гималаи — навсегда домой.

Сергей Рязанцев

Не знали наши папы

Повесть

Вместо предисловия

Это было время, когда наши отцы ушли на войну. Солнце светило ярко, сорняки горели, окуривая небо горьким дымом. Отцы ушли в далёкий и славный поход за хорошей жизнью. Хорошая жизнь ютилась в сибирских рудниках, в горячих палестинских песках.

Многие пропадали без вести. Хорошая жизнь брала пленных и присылала взамен вафли «Куку-руку». Когда отцы возвращались на побывку, половина школы сияла в обновках. Это был период экспресс-зажиточности. Мать с базара приносила виноград «кардинал», отец курил шоколадные сигареты More, у Сашка появились кожаная куртка и новые кроссовки.

А когда заканчивались сигареты и на кроссовках появлялись первые трещины, отцы возвращались на фронт: строить дачи и хорониться от ментов.

Отцы возвращались на фронт, дети — к традиционному набору забав: буйно расти и нарушать запреты. Горизонт манил синевой прорастающего в облака леса. Холмы сияли, как херсонские арбузы. Одноклассники пахли сиренью. Когда в городе отключали свет и веяло октябрьской сыростью, мы начинали томиться в подъездах наших зазноб, настойчиво скрестись в заветные двери.

Мы мечтали вырасти и остаться. Мы даже давали что-то вроде клятвы верности нашему изумрудному городу.

Кораблёвка, клялись мы, моя дикая цыганка, женюсь на тебе и выучу все твои блатные песни! Педучилище, обещали мы, никогда не забуду ни плакучих ив у пруда, ни белых ног пианисток, ни гирлянды трусов на бельевых верёвках! Божоле, район нашей мечты, стыда и славы, буду пить за тебя кислую «Изабеллу» до старческой икоты!

Рязанцев Сергей Андреевич родился в 1982 году в небольшом молдавском городе Калараше. Автор поэтических книг «Многоточия» (2002) и «Стихи. Я» (2006). В 2005 г. окончил отделение журналистики гуманитарного факультета Славянского университета в Кишинёве. HR-специалист, работал в информагентстве, возглавлял телекомпанию NIT. Подборка рассказов вошла в длинный список «Русской премии» (2015). Живёт в Кишинёве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2017, № 8.

Мы хотели остаться в отместку отцам. Тем, кто сдался первым. Тем, кого сманила на войну реклама «Сникерса».

Но потом уехали наши матери. Уехали в обратную от отцов сторону. Так они потом и не встретились.

Ну, и мы тоже. Позабыли клятвы, сожгли тетради с аккордами, дневники с надписью «Сектор Газа» на обложке.

Теперь наш изумрудный город дрожит на сквозняке, как фальшивый хрусталь, не отражая ни света, ни звука. В воскресный день пройдёшь его вдоль за полчаса и не встретишь ни души.

Истории, которые я хочу рассказать, они о том времени, когда всё было наоборот: когда ты шёл по городу с облупленными от солнца плечами и молодое сердце разрывалось от тысячи знакомств, возможностей и искушений.

Эта повесть — дань моей тихой любви, тусклой, но заветной звезде, городу, в котором я родился и вырос.

На дне чаши

Наш район, как усечённый вариант солнечной системы — шесть пятиэтажных коробок вокруг звезды из котельца и кафеля. Похожее на краба педучилище затаилось на дне чаши, обрамлённой холмами. По-молдавски на нём было написано — «Шкоала Нормалэ», что на русский так буквально и переводится «нормальная школа». Отцы-основатели, вероятно, сомневались в предназначении своего детища и, вычеркнув слова «винная», «вино-коньячная», «консервная» и «мясо-молочная», справившись с душевными порывами, остановились на слове «нормальная».

В этом учреждении ещё совсем недавно, по меркам всемирной истории, готовили в основном учителей музыки и физкультуры. Поэтому в окнах общежития часто можно было увидеть полуголых студентов с аккордеонами и ползущих к ним по стенам тщедушных ловеласов в спортивных костюмах. Кстати говоря, наблюдая из своего окна за этими перемещениями (от балкона к балкону) людей в спортинвентаре, я был уверен, что слово «ловелас» как-то связано с умением лазить.

В то время, когда мы переехали из строительного общежития в район Педучилище, местность только осваивалась. То есть мы были колонистами. Дома стояли новенькие, в кранах ещё текла вода, свет горел даже в подъездах, спортивные площадки вокруг педучилища были помечены свежей белой краской. Страна ещё называлась Советский Союз, но Народный Фронт уже активно разучивал румынский гимн.

По мере того, как гимн становился громче, с площадок смывалась белая краска, из крана исчезала вода, из города уезжали евреи.

В то время моему отцу не давала покоя классическая литература. Поклонник Чехова и Булгакова, молодой строитель и недоучившийся филолог, он хотел из нас младшим братом вырастить если не космонавтов, то по крайней мере интеллигентов.

Поэтому в том виде, в котором могли себе представить эту задачу в изумрудном городе на краю света, среди холмов и звона овечьих отар, наш отец воспитывал нас литературными героями.

— Равик, — наставлял он, — запомни, отпрыск. Вот пример! — В дидактическом порыве мой отец любил изъясняться, как Фонвизин. — Вот что значит человеческое достоинство, — уточнял наставник, натягивая на живот рейтузы.

Мне было лет десять, я читал «Триумфальную арку» и лучше всего оттуда помню, что Равик лечил проституток от гонореи.

На стенах нашего зала висели портреты Есенина (минимум четыре, в том числе выжженный по дереву), были также привезённый из Москвы бюст Высоцкого и из Черновцов — статуэтка Конфуция.

Мама — пожизненная учительница румынского языка и литературы — с отличием окончила как раз Черновицкий университет. Она, в свою очередь, цитировала без конца своего дорогого поэта Эминеску и горестно вздыхала, когда узнавала, чему и как меня учат на уроках румынского языка.

— Будем говорить по-румынски дома, — говорила мама и шла после работы на репетицию в народный театр. Она с надрывом играла бабушку в какой-то пьесе Иона Друцэ.

Поэтому, безусловно, как настоящие аристократы и белогвардейцы, мы ставили семейные спектакли на Новый Год.

К нам приходили друзья и родственники, рассаживались в холодном зале с нарядной румынской стенкой во всю длину комнаты, а мы что-то изображали в стихах, в импровизированных костюмах, навеянных «Лицедеями» и «Очумелыми ручками». То вариации на тему «Дон Кихота», то сценки из «Лейтенанта Коломбо» — вкусы у нас, интеллигентов, отличались всеядностью.

Накануне 95-го года, когда по телевизору самые известные ведущие того времени, сменяя друг друга, пели песенку про пять минут, мы как раз играли «Дон Кихота». Мне было двенадцать, я изображал Рыцаря Печального Образа, отец — разбойника, восьмилетний брат — автора (не в смысле Сервантеса, а в смысле «голоса за кадром»), мать, актриса народного театра, изображала Дульсинею в виде Хрюши в медицинском халате (наступал как раз Год Свиньи), в которую Дон Кихот был влюблён.

Поскольку постановка была в костюмах и декорациях, а отец не поспешил на едкую сатиру и рифмы вроде «вашу мать / подлый тать», мы пригласили видеооператора.

Видеооператор дядя Петя, как представитель творческой профессии, молодился и носил причёску маллет, популярную к тому времени уже только среди свадебных музыкантов. Он был высок, немного грузен и периодически шутив.

По его замыслу, наш Новый Год в смысле кинематографии должен был быть похож на что-то вроде «Русского Ковчега»: оператор подробно, долгими кадрами, обходил все комнаты нашей бетонной трёшки. Его громоздкая камера с любопытством китайского туриста заглядывала во все углы. Стены, обои в ромбик, обои в цветочек, картины со среднерусскими пейзажами, печка в прихожей, шифоньер, книги, снова обои, икона в углу, паутина за иконой, смущающиеся лица гостей, наигранное веселье хозяев, другой угол, следующий кадр. Дядя Петя наезжал и отъезжал, приседал и ходил на корточках, вёл себя внушительно и профессионально.

Наше представление вышло неловким, но азартным. Гости смеялись, косясь на камеру, у моей молдавской бабушки, как дополнительный спецэффект, поблёскивали металлические коронки, мой старший двоюродный брат, что учил меня есть семечки с кожурой и заставлял креститься на памятник Ленину, смущённо прятал лицо в ладони. По завершении спектакля взрослые и дети пели на молдавском и украинском, а мать, сняв белый халат Дульсинеи, читала стихи режиссёра Лотяну. В общем, праздник удался и, благодаря видеооператору Пете, в этом легко убедиться и сейчас, спустя тридцать лет.

Но таких дней в замершей жизни нашего изумрудного города становилось всё меньше. Мужчины собирали сумки и уходили на вокзал. Дядя Петя, оставив камеру

Вера Зубарева

Пчелы золотой сосуд

* * *

Сентябрьский свет — расколота́я призма.
Охвачен вихрем спектров листопад.
А впереди — дожди скучней, чем письма
Того, кто пишет обо всём подряд.
День-два и отсыреет эта лёгкость —
Смесь крыльев, лепестков и паутин.
И темя роз, и ветки острый локоть —
Всё обнажит осенний карантин.
Ещё чуть-чуть — и не сбежать из сада
В гостиную, как прежде, напрямиком.
Лишь постучать и мокнуть виновато,
И слушать сквозь минорное стаккато,
Как кто-то долго возится с замком.
И вдруг вкусить вино осенних мьларств
И перемен — в кромешности потерь,
И захотеть уйти опять в размытость
Почти за миг, как отворится дверь.

* * *

Улица в заре вечерней
Мягкий свет на куполах.
Собираются к вечерне
Тени в кронах и стволах.
Тропка к морю в виде змейки,
Как лазейка от невзгод.
Спит газета на скамейке
И в обнимку с нею кот.

Скомкан ветром мир бумажный.
Проступают из вчера
Старый дом многоэтажный,
Запах моря, тишь двора,
Думы, жизнь на переправе...
И уже на грани сна —
Силуэт семьи в оправе
Драгоценного окна.

Зубарева Вера Кимовна — поэт, прозаик, литературовед, Ph. D. Главный редактор журнала «Гостиная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других литературных премий. Живёт в Филадельфии (США).

* * *

Ныряет ночь в узорах и изломах
 Под тяжесть разодетых насекомых.
 Панбархатом обшитое крыло
 Дородной бабочки
 Даёт внезапно промах
 И возмущённо бьётся о стекло.
 Феерии бессчётных светляков,
 Что мчатся на огни особняков
 И разлетаются на мелкие осколки,
 И сыплются на травы и на ёлки.
 Достигнуты заветные места.
 Но как же и кому досталась та,
 Другая жизнь,
 В нехитром до-мажоре
 Проигранная запросто, с листа?..
 Опасный аромат любви и скорби
 Разлит по дому,
 И жуки-гиганты
 Штурмуют окна замкнутой веранды —
 Запаянной, с их точки зренья, колбы,
 Откуда ты, должно быть, приходишь —
 Второй судьбы искусственный зародыш.

* * *

Пчелы золотой сосуд	Куст в росе диадем
Плавно по саду плывёт,	Вступить в диалог готов.
Волны его несут,	Но чуждый молве, толпе,
Мерно колышется мёд —	Минуя цветов пересуд,
Будущий Диоген,	Летит Диоген в себе,
Мудрость лесов, цветов.	Пчелы золотой сосуд.

* * *

Жаль этих дней последних, чистых.
 В просверленный янтарь листа
 То жук мигнёт, то черепица,
 То тающая высота.
 Уже в ветвях не шум, но отзвук.
 Во всём изысканность и спад.
 Просторней парк, спокойней воздух,
 Освобождённый от преград.
 Остынув, созерцает солнце
 Идиллию безлюдных мест,
 Где всё так беспечально рвётся
 И льнёт, пока не надоест.
 Легко закручена аллея,
 Как облетевший лепесток.
 Плывёт вселенная, мелея
 По направлению на восток.
 Ты вписан в это, но не прямо.
 И отчужденный, — не чужой! —
 Воспримешь мир фрагментом храма,
 Не остро связанным с душой.

Елена Безсудова

Рассказы из книги «Цифры и буквы»

6, 9, 18

Весной в России закрыли KFC. Осталась единственная точка — на Савёловском вокзале. Сын ест нагетсы только из KFC, и мы специально отправились в город к зубному на электричке, чтобы заскочить туда на обратной дороге.

Я смотрела на жующих в телефоны людей и завидовала им. Они ничего от этой жизни не хотели. А потом вспомнила, что мне скоро сорок. Что у меня была хорошая работа. Карьера. Муж. А потом я пошла на психотерапию.

Этим психотерапевтам лишь бы всё разрушить...

Выяснилось, что я не люблю мужа Дмитрия. Занимаюсь не своим делом, и от этого у меня постоянно болит спина. И вообще живу не своей жизнью.

Я бросила работу — решила делать только то, что нравится. Выставила мужа Дмитрия — захотела жить только с тем, с кем хочу. И теперь сижу. Без работы, без мужика и без денег. Как сказала бы бабушка Нина, кукую.

Ку-ку.

Я дошла до своего Южного полюса. Теперь все дороги ведут только на Север. Других путей нет. С другой стороны, Южный полюс никому не принадлежит. Кроме меня.

Страна замерла в предчувствии настоящей войны. И в этой неловкой тишине было слышно, как жуют нагетсы. Шесть, девять и восемнадцать штук.

На юг уже не получится. Я знала, что никуда не уеду. Не потому, что я патриотка. И не потому, что нет возможности. Я не хочу.

Я впервые ничего не хочу.

666

Бабушка Нина всю жизнь была атеисткой. Папу, правда, она всё же тайно крестила. Везла в деревенскую церковь, а крёстным позвала соседа.

— В Бога веруешь? — спросил соседа поп.

— Нет, — ответил сосед.

— Крёстным будешь?

— Буду, — согласился сосед.

Елена Безсудова (Козлова) — писатель, журналист, редактор. Родилась в Москве в 1982 году. Окончила Московский государственный университет печати. Автор книги «Всё хорошо, мам» (Городец, 2022). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Так и покрестили.

С годами бабушка Нина пришла к Богу. Говорила, что шла-шла куда-то и всё не туда. А тут Бог. Она купила «Библию для детей» и вечерами благочестивым тихим голосом читала мне про Авраама и Исаака, Моисея и Аарона, Лию и Рахиль.

Правда, бабушкино духовное развитие всё же подверглось некоторой дихотомии: она стала суеверной. Однажды на крышу дачного дома упал совёнок. Бабушка Нина сказала, что сова — к покойнику, и приказала дедушке залезть на верхушку ели и пристроить его на ветках, поближе к гипотетической сове. Чтобы в доме не образовался неожиданный покойник.

Вдобавок бабушка Нина стала бояться дьявола. На шкаф она водрузила канистру с освящённой водой и, когда я была не в настроении или шалила, говорила:

— Лена, иди я тебя умою.

Из Израиля мне прислали кроссовки, на которых розовым были выведены цифры «пять пять пять». Бабушка Нина где-то слышала про число дьявола, но её знания о бесовщине оказались весьма поверхностными. Пять, шесть — какая, разница? Она не разрешила мне надеть обновку:

— Лена, это от лукавого.

Но не пропадать же добру. Бабушка Нина подумала и ручкой дорисовала пятёрки до шестёрок. В сатанинских кроссовках я ходила, бегала, сидела и стояла, пока не выросла моя нога.

15

Кроме Бога бабушка Нина верила в воду, заряженную экстрасенсом Аланом Чумаком. По субботам она ставила большую трёхлитровую банку перед телевизором, в котором седовласый мужчина в очках смотрел строго и говорил вкрадчиво:

— Сядьте поудобнее, расслабьтесь, вытяните руки и ноги. Закройте глаза. Дышите спокойно.

Бабушка Нина устраивалась на диване и обмякала. Экстрасенс Алан Чумак делал пассы руками. За ним было интересно наблюдать через банку. В конце сеанса целитель предлагал в следующий раз зарядить ещё и кремы, если они есть. И добавлял:

— Я уверен, что теперь вы будете чувствовать себя хорошо.

Наверное, в целом люди чувствовали себя неважно. Бабушка Нина надеялась, что чудодейственная вода поможет дедушке Грише от радикулита, а меня уберёжёт от изнасилования и влияния дурных компаний. Для дурных компаний я была слишком мала, но бабушка Нина любила всё делать заранее. После зарядки банка с водой отправлялась на подоконник, где ждала, когда я достигну пубертата и спутаюсь, наконец, с негодями.

Вполне возможно, что и дождалась, если бы как-то раз бабушка Нина не пошла за продуктами. Точнее, поехала, потому что за продуктами надо было непременно ехать несколько станций в метро — на Выхинскую «оптушку». Там же в палатке союзпечати она обязательно покупала газету. А иногда ездила и за одной газетой.

— Буду к пятнадцати часам, — сообщила бабушка Нина. — В холодильнике виногрет.

Дверь за ней захлопнулась, окно было открыто, и от сквозняка банка с водой Чумака свалилась со своего насеста и разбилась. Я отправилась за тряпкой, а когда подошла к осколкам, обнаружила, что по огромной луже бегают искорки электричества. Вода залила проводку, с которой давно были проблемы, — бабушку Нину и дедушку

Гришу иногда замыкало, когда они лезли за тапочками под диван. Я застыла над лужей, подозревая, что, если суну туда руки, могу получить настоящий заряд. Бросила в осколки тряпку и застыла в ожидании взрыва. Его не произошло. Искорки продолжали скакать на тряпичной луже. Я следила, боясь сойти с места, до обещанных пятнадцати часов, которые никак не наступали. Бабушка Нина вернулась с продуктами и газетой ближе к четырём. Она вытерла «это безобразие», засунув в лужу деревянную палку от швабры.

Мне кажется, нас всех тогда всё же чем-то не тем зарядили.

38

Моя вторая бабушка Галя работала на оборонном заводе. В широких вазах пылились её ордена за заслуги перед Отечеством. Выйдя на пенсию, бабушка Галя продолжала, как она говорила, «шуршать» — драила особняки на Рублёвском шоссе, а в свободное от уборки время квасила дома капусту и продавала её у метро.

Мама Таня пыталась забрать бабушку Галю к себе в Канаду, и ей это даже удалось. Три месяца бабушка прожила на чужбине, но стала тосковать и вернулась. К особнякам и капусте. О своей работе она рассказывала много интересного. Так, капуста продавалась по графику, в строго определённые дни и часы, иначе был риск подрасть с другими бабушками-капустницами или попасть в лапы ментов.

Рублёвские олигархи время от времени устраивали домашние попойки и ломали жёнам носы за неверность или длинные языки. Одну рублёвскую жену, по рассказам бабушки Гали, в назидание отвезли в лес, привязали к дереву и оставили в чаще на несколько дней. А потом развязали, вернули в дом и купили ей новую машину. Но потом всё же выгнали. Так и сказали — «чтобы духу твоего здесь не было». Освобождая от своего духа особняк, рублёвская жена раздавала вещи. Обувь и одежду. Перепало и бабушке Гале. Она передала кое-что мне. Размер подошёл идеально — тридцать восьмой. Рублёвская жена, вероятно, была высушена фитнесом, безуглеводной диетой и страданиями.

Я ходила в школу в пиджаках Diog и кашемировых водолазках Missoni. Для меня это были просто вещи, я совсем не разбиралась в брендах. На фотографии с последнего звонка я улыбаюсь в довольно скромном на вид костюме YSL.

Много лет спустя я навестила старую квартиру и, разбирая шкаф, обнаружила всё это странное богатство. Пиджаки и блузки давно вышли из моды, и только лейблы намекали, что они не так уж просты. Мне стало жалко эту одежду. И бабушку. И рублёвскую жену из леса. Я сложила вещи аккуратной стопкой на подоконнике в подъезде. Кому-то, должно быть, тоже повезло. Не каждый день в обшарпанном подъезде московской панельки, где с потолка свисают обгоревшие спички и воняет мочой, несмотря на домофон, можно найти «Диор» на подоконнике.

0

В нулевые подруга Ирина пригласила меня делать журнал о стиле жизни. Звучит странно, конечно, но в то время, видимо, у жизни должен был быть стиль, иначе какой в ней смысл. Нет, журнал не являлся печатным органом крупного издательского холдинга. Это был проект мецената Павла. Наш учредитель, по его собственному признанию, «скупил себе все дома и яхты на свете», и его вдруг «отпустило». Он решил вкладываться в искусство. А журнал о стиле жизни — чем не искусство?

Меценат Павел не жалел денег на прекрасное. Планы были невероятные. Предстояло сколотить команду. Но мы с подругой и главредом Ириной решили,

что для успешного творческого процесса нам в первую очередь необходим красивый офис. Рабочие выкрасили стены редакции, которая находилась на Рублёвке, в глубокий шоколадный. Главред Ирина заказала белую кожаную мебель.

Разобравшись с ремонтом, мы приступили к набору штата: разных там арт-директоров, дизайнеров, обозревателей и прочих сумасшедших, знающих толк в стиле жизни. Это оказалось делом непростым. Кандидаты до Рублёвки не доезжала — либо терялись по дороге, либо, увидев наш заснеженный домик под сенью корабельных сосен, пугались и обращались в бегство. Разумеется, все они были голодранцами без машин. Кандидатки угнетались детьми, которые ходили, вернее, не ходили в детские сады, потому что постоянно болели. Отчаявшиеся соискательницы умоляли разрешить им работать из дома.

— Какие сады, какие дети, какие сопли, когда речь идёт о работе в журнале о стиле жизни!? — возмущалась главред Ирина.

— Нечего было рожать, — поддакивала я.

Неудивительно, что пилот мы делали вдвоём в компании дизайнера, который потом исчез, украв макет. А когда не делали, то курили на крыльце. Там к нам прибились коты. Мы назвали их Сифон и Борода. Кот Борода вскоре исчез, а кот Сифон поселился в редакции и обзавёлся миской. Однажды утром он приполз на крыльцо со следами страшной кошачьей бойни на морде и потрёпанном тельце. Пришлось возить его в ветклинику на капельницы и делать уколы.

Пока мы выхаживали кота, в шоколадную редакцию приехала мебель. Не вся. Приехал только белый кожаный стул. Главред Ирина забрала его в свой кабинет. На нём, в мазах, бинтах, спёкшейся крови, лимфе и гное, расположился кот Сифон.

Когда мы доделали пилот, то включили его в почётный список «над номером работали», потому что редакции всё ещё не было и пришлось её придумать. Так и написали — Сифон Рублёвский.

12

Какой журнал о стиле жизни без светской хроники, вспомнили мы с главредом Ириной? И решили посвятить ей последние шесть полос из ста двадцати. Светская жизнь в столице была неуёмной, одни и те же львицы и птицы, казалось, только и делали, что порхали с одной презентации на другое открытие. Мы же заглядывали на мероприятия нечасто — было много работы. И кот Сифон. Едва очухавшись от драки, он заболел конъюнктивитом.

Для тусовок в редакционном шкафу висела горжетка из шиншиллы. Если одна из нас всё же намеревалась блеснуть в обществе, то красила губы алым и облачалась в горжетку. А что, очень удобно.

Меценат Павел в творческий процесс не вмешивался. Только однажды заехал посмотреть на истерзанного кота Сифона, спросил, может ли чем помочь. Мазь какую привезти. Хотел было присесть поговорить о делах, но не нашёл места: мебель так и не привезли, а на единственном стуле свернулся клубком наш питомец. Душевный был человек, понимающий. Мы делали что хотели и были не ограничены в идеях и методах их воплощения.

Светская хроника в традиционном формате унылого «могильника» нас с главредом Ириной не вдохновляла. Мы назвали рубрику «До и после полуночи» и увенчали её эпилогом из «Золушки»: «...А после двенадцати твоя карета превратится в тыкву». В первой части раздела размещали фотографии свеженьких гостей у пресс-вола. А во второй — этих же бедолаг, только изрядно набравшихся и творящих бесчинства.

Были тут и танцы на столах, и рукопожатия лютых врагов, и распутные объятия с незаконными жёнами. Номер вышел, мы поглумились над несчастными и стали собирать фактуру для следующего в специальную папочку.

В редакцию приехали рекламодатели. Владелицы конного клуба. Мать и дочь. Обе — в золотых сапогах. Мы с главредом Ириной рассыпались в любезностях, нахваливали подачу материала и качество печати, сулили бизнесу посетительниц процветание и лояльную аудиторию. Дамы листали свежий номер и довольно кивали, пока не дошли до «могильника».

— Мама, смотри, это же папа! — воскликнула дочь.

— Действительно, папа! — подтвердила мать. — Где это он так убрался? Ещё и с бабами...

С тех пор светская хроника у нас была скучной.

53

Если спросить пожилого актёра, как он вообще попал в театральный институт, тот обязательно расскажет, что и не собирался туда поступать. Вот ещё, какие глупости. Разве лицедейство — это профессия? Да и зачем ему всё это, господи, — роли, слава, деньги? Так, пошёл за компанию с приятелем. Компаньона приёмная комиссия завернула, а его раз, и приняли! Скучная это штука — интервью с пожилыми актёрами.

Весёлые интервью получают с отчаянными героями. Взять, к примеру, сатирика Виктора Шендеровича*. Накануне нашей встречи в сети появилось видео, на котором сатирик в компании приятелей, довольно известных людей, между прочим, и нескольких шлюх вёл себя весьма разнузданно: трахал матрас икеа и кричал при этом, как птеродактиль. Мы с главредом Ириной от души поохотали над компроматом и погуглили, сколько же лет нашему проказнику. Оказалось, пятьдесят три. Мы качали головами. Пятьдесят три казались древностью.

Утром на интервью я, едва взглянув на сатирика Виктора Шендеровича*, тоже стала издавать странные сдавленные звуки, боясь рассмеяться в его грустное лицо.

— Что, Елена, посмотрели уже поганенькую плёночку? — вздохнул сатирик Виктор Шендерович*.

Так мы и хихикали весь разговор. А болтали о политической сатире. О том, как она пыталась было разогнуться, но всё же загнулась. Сатирик любезно проводил меня под руку до метро — «на улице, Елена, гололёд». Джентльмен.

36

Снимали сюжет о ресторанах морской кухни для программы о жизни столицы. В ресторане морской кухни не было ничего любопытного, кроме аквариума с омарами. Их усищи раскачивались, как пантографы у троллейбуса, слетевшие с проводов. Оценив обстановку, коллега Катя блеснула профессионализмом: «Не знаешь, как снимать, — надо снять по-тупому». Мы решили, что просто запишем нашу трапезу, а на монтаже разбавим её синхронами с поваром — смуглым обаятельным французом.

Принесли огромное блюдо, в котором на ледяной крошке серыми каменистыми осколками лежала дюжина устриц. Я никогда их раньше не пробовала. Коллега Катя пить устрицы не решилась и заказала рыбу дорадо.

— Пишем, — скомандовал оператор.

Я выпила две — для общего плана. Потом ещё несколько — для среднего. Подняли руки, приборы, бокалы — для перебивок.

*Включён в список иноагентов Миньюстом РФ (Ред.).

Андрей Ладога

Протезная улыбка судьбы

Рассказы

Ave Eva!

Ева, это тебе, дорогая!

Всё началось именно в этот «рождения день», когда Еве позвонила мама. Мама не изменила себе:

— Ева, ты в курсе, что тебе сегодня исполнилось тридцать пять?

Всю жизнь мама разговаривала с дочкой именно так — вопросами: «почему ты не доела кашу? объясни мне?»; «отчего у тебя в четверти тройка по русскому языку? ты что — из Китая?»; «для чего ты пошла учиться на парикмахера? разве это профессия для серьёзной девушки?»; «зачем ты назвала моего внука Артёмкой? и, прости меня, где его отец?!»

Всю жизнь, не осознавая, мама считала Еву ответственной за её, мамину, жизнь.

— Да, мама, — Ева еле слышно вздохнула. — Я знаю, сколько лет мне сегодня исполнилось...

В салоне красоты «Наш стиль вам», где работала Ева, ей подарили букет цветов и литровую бутылку дорогого японского шампуня. Был тихий, почти праздничный обед с тортом «Наполеон» в докучливом финале. За чаем Еву вяло и безуспешно пытались убедить в том, что «у тебя ещё всё впереди, ты у нас красавица!» и предложили разместить свои фото в интернете: «можно в купальнике» и «мужики к тебе потянутся жадными руками!» «Делай как все», — сказали Еве.

Этой же, отчего-то бессонной, ночью Ева «сделала как все»: украсила персональную страницу своими фотографиями трёхлетней давности, когда ещё у неё было «что-то вроде мужа».

Потом наступило утро, затем прошло несколько дней. Жизнь Евы шла своим чередом: салон — магазин — дом — Артёмка — мама: сломанный велосипед Артёмки, его учёба в школе, лекарства для мамы... Но тут наступил вечер пятницы.

Андрей Ладога — сценарист, режиссёр. Окончил архитектурно-художественную академию. Автор четырёх книг прозы. По трём из них был снят сериал «Оплачено смертью» (канал «Россия»). Публиковался в журналах «Волга», «Человек читающий» (Homo Legens) и др. Член Союза журналистов России. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 2.

Ева получила письмо по электронной почте. Писал ей некий Сергей Леонтович, фотограф. Сергей, сдержанно восхищаясь «светлой печалью вашего взгляда», приглашал Еву в Москву «на фотосессию». В письме была ссылка на работы Леонтовича. Ева, сгорая от любопытства, заглянула на сайт фотографа и... задохнулась от отчаяния — неправдоподобно красивые женщины в дивных нарядах и без смело и открыто смотрели на Еву — Marina, Anna, Florian...

На месте фотографии автора была изображена жадная растопыренная пятерня. Ева, думая о том, что ей никогда не стать Florian или хотя бы Anna, ответила истеричным «нет» и выключила компьютер. Сразу после этого она решила немного поплакать в постели, и эта идея отчасти успокоила. Ночью снились прекрасные раздетые девушки, окружавшие высокого молодого фотографа. У одной из них в руках была книга Владимира Набокова «Машенька», и там, в своём сне, Ева удивилась: странно, что не «Лолита». В руках другой девушки был сачок для ловли бабочек...

Прошло ещё несколько дней, Ева мучительно заставляла себя забыть об этой истории: «Сто лет мне нужен этот Леонтович, а тем более эта Москва!»

Ева наводила порядок на своём рабочем месте и, вздрогнув от крика, выронила ножницы.

— Где она?! Где?!

Это был крик человека, ничего и никого не страшась. В дверях салона, нетерпеливо и капризно притоптывая и азартно озираясь, стоял невысокий лысый мужчина лет пятидесяти. Густые остатки всклокоченных чёрных волос окружали его светящуюся лысину — Ева мгновенно вспомнила слово «нимб».

Незнакомец был в белой рубашке, в чёрных кожаных штанах и в остроносых ковбойских сапогах. В руках он небрежно держал охапку белых крупных роз. Никогда в жизни Ева не видела столько роз сразу. Мужчина, прицельно сощутив левый и выкатив правый розово-лиловый глаз, бесцеремонно оглядывал по очереди всех присутствующих в парикмахерской. Ноздри его вислого красноватого носа раздувались, это были ноздри азартного карточного игрока, хладнокровного охотника-убийцы, сладкого женского обольстителя — Ева тут же поняла.

— Где?!

— Да кто? Кто вам нужен, мужчина?!

И тут взгляд незнакомца остановился на Еве, он замер, на мгновение окаменев лицом, затем улыбнулся, кивая сам себе, и с криком «я узнал тебя!»... выплеснул в сторону Евы свои розы!

И Ева, усыпанная цветами, поняла, кто перед ней.

«Ветер перемен... — Мгновенным горячим вихрем, как от фена, пронеслось в голове, и тут же возникло холодное, обессиленное: — Всё зря. — И затем нейтральное: — Будь что будет».

Мягкому, но мощному натиску Сергея Леонтовича невозможно было противостоять. У Леонтовича не было проблем — он всё решал «мгновенно или чуть раньше». Через какое-то время Ева поняла, что в отличие от неё, Серёжа не боится жить.

Уговорили маму, приобрели билеты, купили Артёмке огромный радиоуправляемый вертолёт, отпросили Еву на пять дней из парикмахерской, Леонтович поклялся — по рогно, обсудили сумму гонорара — пять тысяч. Всё было быстро, легко, само собой. Ева и не знала, что в этом мире существуют мужчины, не имеющие проблем. Рядом с Леонтовичем, «отдаваясь его воле», она мгновенно почувствовала себя если

не счастливой, то спокойной красавицей. Леонтович смотрел на Еву именно как на красавицу.

В Москву они ехали в СВ. Еве было совсем не страшно ехать вместе с Серёжей. «Этот вряд ли посягнёт, — думала Ева с некоторым мимолётным сожалением. — И отчего те, кто может и, более того, — должен, никогда не посягают? А те, кто вызывает только отвращение и грусть, посягают непрерывно? Как жаль, — думала Ева, — что это понимаешь в тридцать пять, имея на руках девятилетнего Артёмку...»

Всю дорогу до Москвы Леонтович азартно разговаривал то по одному сотовому телефону, то по другому. Серёжа с русского переходил на французский, затем на английский. В голове Евы совершенно некстати возникла особенно неуместная сейчас фраза: *Do you speak English?*

«Господи, почему я не знаю английского? Зачем я живу в Кургане? Отчего у меня нет мужа? Мама права, я — неудачница... И для чего я — неудачница?! Зачем?»

Еве стало стыдно, как всякий раз ей бывало стыдно, когда она сидела на кухне перед укоряющей мамой.

«Интересно, он женат? Конечно, он женат на молодой привлекательной модели... Зачем ему я — обыкновенная провинциальная парикмахерша?»

Тут Ева вздрогнула...

А в самом деле — зачем?! Ну не «светлой же печалью моего взгляда» был он пленён?! А тогда — что?! Он говорил, какой-то всероссийский конкурс — «Образ России», — но Ева толком не поняла. С Леонтовичем всё было быстро и легко, он всё делал так — легко и быстро, и времени для понимания не оставалось.

Нет, это всё оттого, что я не хочу понимать. Просто хочу ехать с ним в Москву...

...В столице их встретила дежурно приветливая ухоженная дама лет сорока.

— Галя!

— Ева!

Ева вдруг заволновалась, шутки кончились, «это Москва, детка».

На площади Казанского вокзала они погрузились в роскошный белый Mercedes с огромной наклейкой на лобовом стекле: *Zarogojez*. Московский юмор, поняла Ева, переведя слово *Zarogojez* на русский язык.

Присутствие за рулём этой самой Гали отчасти успокоило. По дороге Галя и Серёжа что-то обсуждали вполголоса. «Её глаза», «конкурс», «её плечи», «возможная, и даже вероятная её грудь», «огромная конкуренция». В какой-то момент Ева с неммым удивлением поняла — это про неё. Она удивилась вот так — онемев — второй раз в жизни. Впервые это с ней произошло в кабинете доктора, когда ей сказали, что она беременна.

— У Андрея сейчас никого нет, он в отъезде, — Серёжа сообщил Еве о каком-то Андрее. — Так что за тебя в этом смысле можно не беспокоиться...

— Андрей — это друг Серёжи, — добавила Галя. — Ты у него поживёшь.

— Это он тебя нашёл, — заулыбался Серёжа, — знай!

Ева кивнула, она не знала пока — благодарить ей этого неизвестного Андрея или нет.

...Квартира была большая, из новых. Такие квартиры Ева видела только в иностранных каталогах и по телевизору.

Ей показали необъятную спальню, совмещённую с огромной ванной. «Ванна на двоих», — подумала с тоской Ева...

— Здесь и будешь жить, — сказал Леонтович, — располагайся! Сейчас придёт наш бухгалтер с твоими договорными бумажками.

Ева едва успела распаковать вещи, в дверь позвонили. В квартире возник лысый безгубый человек с немигающим мертвящим взглядом в отличном, застёгнутом на все пуговицы, похоронном костюме, в строгом траурном галстуке — бледный служащий с почти потусторонней фамилией Грабовски.

Стас Грабовски тихим, но внятным голосом стал объяснять Еве «содержательное наполнение договора». Упоминались малопонятные термины: «авторское право», «использование и трансляция сюжетов», «моделирование ситуаций». Ева, понимая отдельные слова, никак не могла уловить общий смысл.

— А вам и не надо, копейка в копейку, — сказал Грабовски. — Это — выгодный для вас, ноль в ноль, договор. Теперь о главном, вы ведь уже обсудили с Леонтовичем ваш гонорар? Речь шла о пяти тысячах, верно?

Ева, вспомнив, сколько стоит новый велосипед для Артёмки, мысленно прибавила к пяти тысячам недостающие рубли и кивнула.

— Хватит... То есть, да — верно.

«Пять тысяч, — думала Ева, — не очень-то это выгодно, московские их штучки...»

— Отлично, — Грабовски передал ей одну из своих сияющих ручек, другой он указывал место. — Здесь подписываем. Здесь, где галочка. Здесь. На каждой странице. Отлично, ноль в ноль. Теперь второй, ваш экземпляр. Вот здесь забыли...

Аккуратно подстриженные и обработанные ногти Грабовски были покрыты бесцветным лаком...

«Гей, — неприязненно подумала Ева, — вот она — Москва развратная».

— Здесь...

Подписывая договор, Ева разделила пять тысяч рублей на пять дней и поняла: в парикмахерской у неё выходило меньше.

— Еда, транспорт, — бубнил Грабовски, поднимаясь с места, — грим лица, визаж, грим тела, стилист, костюмы — за наш, разумеется, копейка в копейку, счёт. Пять тысяч — ваш чистый гонорар.

Ева захотела узнать, а что означают эти бесконечные «копейка в копейку» и «ноль в ноль»?

— Не обращайтесь внимания, — ответил на мысли Евы бухгалтер, — это наши финансовые присказки-поговорки.

И только когда Грабовски ушёл, Ева вдруг с ужасом вспомнила эти его слова: «грим тела»? А... что это?

Но подумать об этом она не успела, в квартире появились две одинаковые, как показалось Еве, улыбающиеся «молодые блондинки средних лет».

— Сделайте с ней всё, как надо, — приказал им Леонтович. — И быстро!

— Ок! Сделаем быстро, часов за пять.

— Я метнусь в студию, но туда и обратно мгновенно! Чтобы всё успели!

Евой занимались весь день: ванная, чистка лица, маникюр и педикюр, стрижка и укладка. Ева интуитивно понимала: здесь безопасно, её не обманут, с ней здесь не поступят дурно, а, возможно даже, поступят хорошо.

Кажется, уже был глубокий вечер, когда в дверь позвонили и Ева опять услышала улыбчивый голос Серёжи Леонтовича.

— Студия простаивает, — кричал Леонтович, — заканчивайте! Я не могу платить за порожняк такие деньги! Едем!

Еву поразило это, она не думала, что Серёжа Леонтович способен выговаривать такие слова: «порожняк», «метнулся».

Мельком, на ходу, увидев в зеркале отражение какой-то красивой молодой девушки, Ева не сразу поняла, что смотрит на себя.

И они поехали сквозь таинственно ночную, блистательную и яркую Москву в студию Леонтовича. Две блондинки сели вместе с Евой на заднее сиденье, от их непрерывных разговоров у Евы разболелась голова, но ей неловко было сказать об этом.

— Что морщишься? — Леонтович, обернувшись, подмигнул Еве.

— Всё хорошо, — испуганно заверила его Ева.

— Смотри у меня! — Серёжа угрожающе улыбнулся.

В огромной студии Ева тут же попала под яркие и жаркие потоки света, её поставили на фоне гигантской белой стены и...

— Начали!

Последующие три часа Ева не очень верила в то, что всё это происходит с ней. Леонтович усаживал её в кресло и делал серию мгновенных фотографии. Затем усаживал на высокий табурет, отбегал, ругался, обожая, хватал Еву за руки и за ноги, «располагая их не так, как тебе удобно, а так, как мне надо!» Потом Еву уложили на красный кожаный диван, и Серёжа стал «ставить, твою мать, спину».

Еве непрерывно поправляли грим и временами подносили запотевший бокал с ледяным шампанским, от которого ломило зубы. Ева пила, не чувствуя вкуса, сгорая от стыда и неловкости.

— Ещё серию, — сказал Леонтович, — потом будем закусывать! Не заработали пока!

За эти часы Ева с помощью двух блондинок несколько раз меняла платья, костюмы и бельё. Еве поправляли и меняли причёску и грим, ей тонировали плечи, руки и грудь...

В съёмках Сергею помогал ассистент-режиссёр, молодой парень по фамилии Гудошников. Если бы Ева знала слово, то поняла, Гудошников смотрел на неё «с благоговением».

«Грабовски, Гудошников, — думала Ева, — какие странные московские фамилии...»

— Ещё серию, — кричал Леонтович. И затем, наклонившись, шептал ей на ушко: — Ты моя самая хорошая. Обожаю тебя, потерпи ещё чуть-чуть! Дивная ты — четыре буквы — дура!

Ева очень устала, но она не могла возразить Серёже Леонтовичу ни жестом, ни словом, ни движением брови. Не понимая, Ева чувствовала, она принимает участие в создании чего-то красивого настоящего, более того — достойного...

«Несмотря на мою почти голую грудь, — повторяла Ева про себя, — несмотря, несмотря!»

— Ещё одну серию! — сказал Леонтович. — Переиначивая Михая Себастиана, скажу так: «Звезда по имени Ева в нашей безымянной галактике!»

Ева, всячески выказывая усталость, пожала блистательными обнажёнными плечами, она не знала, кто такой Михай Себастиан...

Съёмки закончились глубокой ночью, и Серёжа отвёз Еву «домой», в дороге они молчали, Ева безучастно разглядывала ослепительную ночную Москву.

После душа Ева позвонила в Курган маме, передала привет уже спящему Артёмке и тут же легла в постель. Кроме ужасной усталости Ева испытывала нечто, напоминающее одновременно страх и удовольствие.

Перед сном она попыталась представить себе всё то, что происходило в этой необъятной чужой постели. Какие бои шли тут? Какие столкновения характеров,

Ника Батхен

Звезда КОВЫЛЬ

Осколки Калки

Пали на поле червоны стяги,
Смяло дружины. Князья, беда!
Войско кольцом окружило лагерь.
С берега валом идёт Орда.

Брошен отряд берестою в розжиг,
Всем на закате под доски лечь.
Тонет в крови богатырь Алёша,
Хрипло смеётся, вздымая меч.

Чувствует шкурой — уходят братья
В звонкую зелень березняка.
Гаснет пожар безнадёжной рати.
Тратятся силы, сдаёт рука.

Рядом Добрыня — ревёт медведем,
Воздух хватает разбитым ртом,
Рубит сплеча, о победе бредит,
Даром что раны легли крестом.

Давит шелом, тяжелеют латы,
Клонится буйная голова,
Пояс сияет и манит золотом...
Кукиш вам, жадная татарва!

Вашим коням не догнать Мстислава —
Рвался за славой, повёл полки,
По уши в каше завяз кровавой.
Полноте, князь, не стыдись, беги!

Ника Батхен (Батхан Вероника Владимировна) — поэт, прозаик, журналист. Родилась в 1974 году в Ленинграде. Училась в Литинституте им. А.М.Горького. Автор 5 книг стихов, среди них «Гуман Чембало» (М., 2021) и «Крымская соль» (Таганрог, 2023). Лауреат литературных конкурсов «Заблудившийся Трамвай», Волошинского и других. Живёт в Москве.

Мы же, дружина, клялись на стали —
Братья на братьев нейдут войной!
Где ты, Добрыня? Глаза устали...
Кто там стоит за моей спиной?

Матушка, холодно... Вдоль по Калке
Волны гуляют, темна вода.
Поздно рыдаться, искать подарки —
Мы не увидимся никогда.

Манит на облако ангел дивный...
Чудится войско у белых врат,
Пламя над куполом Десятинной.
Слёзы Софии, немой набат.

Пляшет на крыше княгиня Анна —
Жадным раскосым её не взять.
Жаркая ночь наступает рано.
Ноги Алёши в грязи скользят.

Чёрные кудри осыпал иней.
Губы шевелятся: Отче, ну!
Встану как вкопанный за Добрыню,
Лютого врага рубану!..

Честным пирком завершая битву,
Пьют тургауды, собой горды.
В поле таиб, бормоча молитвы,
Этим и тем подает воды.

Просит «терпи», обмывает павших,
Шепчет с оглядкой: урус, беги!

...Ходит Алёша по синей пашне,
Небо сверкает из-под руки.

Полонянка

Возвращаться из татарского плена,
Зная, что проклята до тысячного колена,
Зная, что порченная, выжженная, гнилая,
Зная, что дома — ни дымка из трубы, ни лая...
Бесконечно брести, пачкать красным слепую глину.
Бесполезно кричать «прости» и ползти с повинной,
Никому не нужна перекошенная утроба,
Нету денег ни на попа, ни на крышку гроба.
У родни, тех, кто выжил, новые злые жёны.
Из татарского плена — хуже, чем прокажённой...
Всё равно — шаг за шагом, туда, где стоят утёсы.
Вместо туч золотых у них маленькие берёзы.
И куница живёт в дупле, и стрекочет сойка.
И вороны смеются — горько, подруга, горько.
Ты вернулась, не опустилась и не сломалась.
Пусть от целого сердца осталась такая малость.

Звезда Ковыль

Тускнеет снег, как сброшенная кожа.
Звезда Ковыль с рождественской не схожа —
Она уводит прочь от очага.
В седую степь, на зимние стоянки,
Где ждут ягнят измученные ярки,
Вповалку спят щенок и мальчуган.
Баранья голова лежит на блюде.
Несытый дух крадётся к тёплой юрте.
Дымит кизяк. Варганчик дребезжит.
Всё ясно, плотно и вообразимо —
Мука и хлеб. Кочевники и зимы.
Молочной струйкой мимо льётся жизнь.
...С размаху канешь в небо, крикнешь «чей я?»
Смолчат дома, откликнется кочевье.
Ни женщины, ни счастья, ни ножа.
Зато есть степь. Полынь, сурки, цикады.
Звезда Ковыль на лезвии заката.
Последний вздох — и самый первый шаг.
Но под рёбрами бьётся, и руки не опускаются,
И русалка, как будто щука, в реке плескается.
И любимый кается — потерял, мол, не спас, не выкупил.
И уходит в деревню заниматься делишками невеликими.
И на этой ноте идеального одиночества
Ты берёшь и врастаешь в землю,
и уже ничего не хочется:
— Ни столбом замереть,
ни родиться женой Иакова...
Смерть и верность читаются плохо.
А пишутся — одинаково.

Ирина Горошко

По соглашению сторон

Рассказы

Чужая

Она приближалась издалека: в развевающемся белом платье, босая, пальцы и пятки проваливались в мокрый песок, в руках на длинных ремешках болтались босоножки.

— Папа!

Радостно обняла, прижалась грудью. Пахнуло свежестью и сладкими духами.

— Привет, Маша, — он приобнял её, едва коснувшись пальцами когда-то родной спины.

Сухо чмокнул мимо щеки.

— Ясно, — она отстранилась, возле губ с двух сторон выделились некрасивые морщинки.

— Тут посидим или дальше пройдемся? — он указал на пластиковые столики прибрежного кафе.

— Как хочешь, мне всё равно.

Шли молча. Чайки орала над тёмным морем. Волны жёстко били по песку, врезались в берег, покорно отходили, а потом бухали в землю с ещё большей силой, словно угрожая, что в конце концов поглотят, разрушат, превратят в ничто этот пляж, эти столы под широкими зонтиками, этот мир.

— Как там... Дима?

— Хорошо.

Гигантским кораблём над водой нависла туча, птицы кружили всё хаотичнее, чайки хохотали.

— Здесь. — Она остановилась возле стеклянного входа, неудобно опёрлась о дверную ручку, надевая босоножки. Он дёрнулся помочь, предложить руку или плечо, но остановился. Она бросила на него быстрый взгляд из-под бровей, резко потянула дверь на себя, чуть не врезавшись в выходящих людей.

Ирина Горошко родилась в 1989 году в Минске. Магистр социальных наук. В разные годы жила в Вильнюсе, Риге, Ереване, изучала визуальные, культурные и гендерные исследования в Европейском гуманитарном университете.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 11.

— У нас сегодня специальное предложение для влюблённых! — профессионально улыбалась кудрявая бариста.

— Мы не влюблённые. Мне эспрессо.

Бухнулась за столик в дальнем углу.

— Сейчас принесут, — он неуклюже опустился напротив, достал из кармана джинсов телефон, разблокировал экран.

Она скрестила руки и не отрываясь смотрела на него.

— Что?

— Так и будем?

— Что?

— Да я же вижу, ты меня ненавидишь! Ну хорошо, так высказал хотя бы! Что это за попытка молчанием?

— Маша, успокойся.

— Так и будешь? Делать вид, что всё в порядке? Что ты не злишься на меня и Диму, что мы тебе ничего не сказали и без тебя всё сделали?

— А чего тут злиться. Вы решили, сделали. Ты взрослая теперь. Я оказался ни при чём, это твой выбор — я тебе больше не нужен. Чего мне злиться?

— Блин!

Она закрыла лицо руками.

С детства любила кольца, тогда ещё цветные, пластмассовые. Подростала, и из каждой командировки он привозил дочке по колечку: серебряные, золотые, причудливых форм, с камнями. Жена умерла восемь лет назад, малышке было десять. Второй раз так и не женился, дамочки мелькали, но всё не то, подарков им дарить не хотелось. А вот радовать дочь всегда было приятно.

Она выросла, но никаких подростковых бунтов или истерик. Сама убирала квартиру и готовила что-то этакое по рецептам из интернета. Лет с четырнадцати, правда, стала скрытной, закрывалась в комнате, иногда уходила куда-то глубоко в себя и отвечала односложно. Он не лез, ждал, когда сама придёт и снова зашебечет о подружках, учителях, книжках и сериалах.

Пару лет назад был эпизод, о котором они так и не поговорили. Подружка тем летом у неё появилась шептунья, вся такая с зелёным ирокезом и пирсингом в носу. И как-то они ушли с той подружкой гулять и объявились только на следующий день. На звонки Маша всю ночь не отвечала, объяснить, где была, отказалась, просто захлопнула перед ним дверь в свою комнату. В её глазах было столько злости и решительности, что он даже не смог ничего возразить, а тем более как-то её наказать. Он не видел её такой и притворился, что никогда этого и не было.

Как-то он встретил маму той зеленоволосой в магазине, и она его уверяла, что это Маша подговорила подружку сбежать, придумала план уехать автостопом, примкнуть к какой-то коммуне (да, даже нашла в интернете эту коммуну) и больше никогда не общаться с родителями.

Он потом вспомнил, что в тот день Маша уходила с огромным рюкзаком на плечах, объяснив этом тем, что они едут в благотворительный магазин отдавать ненужную одежду.

Постепенно подростковая замкнутость уходила, он наблюдал, как Маша превращалась в заботливую, нежную женщину. Он возвращался из командировок уставший, мрачный, но стоило открыть дверь в квартиру и вдохнуть аромат из кухни, как он расслаблялся, улыбался, становился счастливым и любимым.

Тому, что сосед Дима стал захаживать всё чаще, он старался не придавать значения. На пару лет старше Маши, плотный крупный парень, лицо самое обычное,

посмотришь и сразу забудешь, разве что широкие, почти сросшиеся брови выделялись. Говорил негромко, улыбался застенчиво, всё свободное время пропадал в тренажёрном зале. Такой зародыш мужчины: может, что-то и вылупится из него, но пока это просто большое тело с совсем ещё ребёнком внутри.

Убеждал себя, что раз с одноклассниками Маша вне школы почти не общается, то ей, наверное, важно как девушке получать внимание от ровесника. Тем более, когда отец приходил с работы и заставал на кухне Диму, Маша моментально обрывала разговор и тут же вся обращалась к отцу, спрашивала, звонко смеялась его остроумам. На Диму она переставала смотреть, словно он исчезал, и даже его реплики она то ли игнорировала, то ли и правда не слышала — всем своим существом показывала, кто самый важный мужчина в её жизни.

На совершеннолетие сводил дочь в хороший ресторан, она надела потрясающее платье, которое он привёз накануне. Удивительный возраст: уже точно не девочка — женщина, при этом такая юная. На следующий день он уехал в очередную командировку.

Две белые чашки с чёрным нутром глухо опустились на круглую деревянную столешницу. Лампочка над столиком загорелась — на улице стало совсем темно.

С неба тяжёлым мешком свалился дождь.

Она так и сидела, вдавливая пальцы в лоб, с силой прижимая ладони к щекам, словно пыталась склеить кожу лица и кожу пальцев, чтобы больше никогда его не видеть. Её пальцы казались раздетыми.

Сверкало лишь одно кольцо — широкое, с двумя уродливыми полосками, жёлтое, чужое — на безымянном пальце.

Дождь набирал силу, становился всё плотнее и плотояднее. Поглотил море, песок, стены кофейни. Рыжую баристу в переднике, деревянный прилавок. Тихую парочку у стены, пустые столики.

Машу.

Он остался один.

По соглашению сторон

Sweet dreams are made of this
Who am I to disagree?
I travel the world
And the seven seas,
Everybody's looking for something.
Some of them want to use you
Some of them want to get used by you
Some of them want to abuse you
Some of them want to be abused.

Энни Леннокс, песня «Sweet Dreams»

1

— Где смотреть?

— В моей папке, — она наклонилась, пощёлкала мышкой. — Вот.

На экране всплыли три прямоугольника — макеты рекламного баннера. Баннер должен предлагать скидку первым посетителям сайта и выглядеть так, чтобы они кликали и сразу покупали. Привлекать. Соблазнять.

Мирослава Бессонова



Люди ходят по воде

* * *

позвонят и скажут: всё пропало
брошу трубку выйду отдышаться
было время оказалось мало
и на рай не остаётся шанса

он должно быть выглядит неброско
но огнём охваченная муха
не прожжёт глазок в небесных досках
заслонивших от пера и пуха

* * *

ты не смотришь матчи по футболу,
по ночам не караулишь нежить,
не катаешь финики по полу.
зверь притихший, как тебя утешить?

я звонила лётчикам, над Осло
пролетавшим, над Индокитаем,
узнавала про кошачий остров:
был ли найден, был ли обитаем?

но гудками отзывалась трубка
раз за разом, прежде чем исчезла.
спи. пока тебе кроватью — куртка,
вовремя не убранная с кресла.

схваченный когтями сон упитан
и подобен рыбе-звездочёту.
пусть покажет, что в себе таит он
и какая жизнь идёт по счёту.

Мирослава Бессонова (Ипанова Алёна Олеговна) родилась в 1995 году в городе Уфе. Окончила Восточную экономико-юридическую гуманитарную академию. Публиковалась в журналах «Знамя», «Prosodia», «Интерпоэзия» и других. Автор двух книг стихотворений «Летающий дом» (Самара, 2015) и «Меланхолия» (Уфа, 2019). Участница Мастерской АСПИР (2022). Живёт в Уфе.

* * *

схватил меня и полетел
вперёд по этажу
а сколько крал подобных тел
ума не приложу

с балкона вниз где сох матрас
и дворник сор сжигал
над низким городом где нас
не видел марк шагал

из куртки мелочь не просыпь
не будем на мели
глянь одуванчики как сыпь
покрыли часть земли

вон курят дети под мостом
одетые на ять
и спорят весело о том
не буду повторять

не выпускай меня в беде
раз бьёшься об заклад
что люди ходят по воде
а не летают над

Денис Кальнов



Мальчишеский кульбит

* * *

Бежит по улице старинной
частица света; у окна
с барочным стёклышком карминным
маячит детская рука.
За поворотом незнакомым
струится чей-то разговор,
где тень рисует у проёма
ворот добавочный узор.
Худая кошка из парадной
выходит вместе с дежавю,
но этот опыт ретроградный
не удержать по существу.
Лишь слог зеркальный и проточный
пусть это время отразит:
прохладный воздух, лягз замочный
и тот мальчишеский кульбит.
И в этом ясном отраженье
на заднем плане есть деталь,
как в «Сказке сказок», полутени
и задымлённая вуаль.
Всё это только небылицы,
но посмотри, как вплетены
в наш мир мельчайшие частицы
с той стороны.

Кальнов Денис Валерьевич — родился в 1991 году в городе Каменка Пензенской области. Публиковался в журналах «Звезда», «Кольцо А», «Плавучий мост» и других. Участник 22-го Форума молодых писателей, а также Итоговой Всероссийской Мастерской АСПИР (Москва, 2022) и Межрегиональной ПФО (Казань, 2023).

В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

* * *

Заметны ночью знаки реализма
в скульптурно-гипсовом снегу;
плафонный свет горит анахронизмом,
дрожющим в такт грузовику.

Встречают изваяния у входа,
где пляшут тени на стене;
спокойной маски зимняя дремота
всё отражается в окне.

...И этой маске ветреные судьбы
видны потоком быстрых дней
и полночи статичное безлюдье
узорной россыпью огней.

И не узнает кто-нибудь однажды
отреставрированный дом.
И только лик, покрытый краской дважды,
в окне окажется знаком.

* * *

В разделённый гулом коммуналок
дом с холодной улицы зайти.
...Там мне всё умноженным казалось,
а теперь как будто не вместить
детства катакомбы, анфилады
и эмалированный контраст
за окном белеющей декады
(может, всё же память воссоздаст).

Вещи и узоры на обоях,
призрачный дагерротип жильцов —
смешаны со звуком перебоев
отстающих бронзовых часов.

И всё в тех же старых коридорах
слышно, как ребёнок пробежал
в комнату

(разгадывать в узорах,
то, что я когда-то разгадал).

Екатерина Златорунская



А почему не надо бояться?

Рассказ

Они полетели в отпуск в сентябре.

Павел предлагал слетать в Таиланд, а Анастасии не хотелось, но особенно не хотелось, чтобы он летел один, поэтому сговорились на недельку-другую в Греции.

Тем более что они давно не отдыхали вместе. Хотя раньше летали куда-нибудь, и не по одному разу. Но это было давно. В выходные, тоже давно, катались на лыжах, катались на коньках. В каждом новом городе, куда они заезжали просто так, обязательно ходили на каток. В дозамужнем, детско-юношеском прошлом Анастасия занималась в секции одиночного фигурного катания, но её карьерный прыжок прервался на высшей точке взлёта: травма колена на юношеском соревновании, плюс рост метр семьдесят два в тринадцать лет. Её перевели к синхронисткам в команду, собранную из парий-одиночников. Анастасии там нравилось: дружный коллектив, весёлые тренировки, поездки на соревнования в другие города, где жили в гостиницах, набивались строжайше секретно в чей-нибудь номер на ночёвчик и хохотали до утра.

По иронии судьбы в личной жизни наметился поворот от коллективного выступления в одиночное, замужняя жизнь с двадцатилетним стажем отходила в прошлое.

И вот Павлу сорок, и Анастасии сорок, детей нет и не будет. У свекрови оставалась надежда на новый брак, а тёще Ире только надежда на чудо.

Определяющее будущее событие случилось десять лет назад, и жизнь переломилась на два периода. В первом — безмятежное существование: молодая пара — хоккеист, фигуристка — удачливые, красивые, живущие в своё удовольствие; во втором — по-прежнему красивые, дружные, но бездетные; и вот в то, второе десятилетие, возник вопрос — что дальше? Собака, кошка, приёмный ребёнок, — что? И они ничего не могли решить.

Прошлое счастье было ещё с ними, как музей с артефактами под открытым небом, его можно было посетить в любую минуту, посмотреть и вернуться в настоящую жизнь, из которой ушло солнце.

Екатерина Златорунская родилась в Саранске. Окончила Саранский государственный университет по специальности юриспруденция. Публиковалась в журналах «Новая Юность», «Знамя» и др., в коллективных сборниках. Автор книги «Но случается чудо» (2021). Участница проекта «Резиденции» АСПИР. Живёт в Москве.

Анастасия так и смотрела на прошлое — как на прогулку по мемориальному парку. Вот стоит памятником день их первого свидания в зимней Уфе, где проходили отборочные соревнования команды синхронистов, а Павел — жил.

Анастасия бесстрашно летела по льду в расшитом бисером платье, юбка поднималась, обнажала стройные мускулистые ноги. Павел не сразу разглядел её среди остальных двенадцати девочек, все брюнетки в одинаковых платьях, в одной шеренге, тринадцатый — блондинистый парень. Павел был ослеплён грацией, скоростью, бесстрашием, и только когда Анастасия исполнила свой фирменный прыжок — среди девочек только она одна умела так прыгать, — случилось откровение. Он увидел её одну — царевну-лебедь — высокую, с высокой грудью, и мгновенно влюбился.

Он подождал её у раздевалки и увёл гулять по городу. Девочки повозмушались, но отпустили. Анастасия и сама не поняла, почему ушла с ним, её потянуло неудержимо, как собаку на солнечный луг.

Павел показывал местные достопримечательности. Высокий, Анастасии под стать, крупный, массивный, квадратный лоб, кудри-разлетайки, добрые выпуклые глаза — молодой бычок, наивный, стеснительный и очень красивый. Ходили к памятнику Салавату Юлаеву, визитной карточке столицы, со смотровой площадки открывался вид на Белую реку, она и правда была белая, во льду. Летом здесь ещё красивее.

Анастасия мёрзла, она была легко одета, но стеснялась признаться. Она хотела ещё ходить и смотреть, и слушать его голос, но подрагивали колени, побежали греться чаем в кафе. Павел удивлялся, как она без зазнайства ест жирные беляши, смотрел на её лицо, запястья, такую красивую, изящную в сером облегающем платье, на шею сапфировый крестик.

Через три дня расставались уже всерьёз влюблёнными. Анастасия рыдала на перроне, Павел обнимал её, прижимался всем телом, с силой целовал твёрдыми губами — так упираются костяшками пальцев в поверхность стола, — было больно от его поцелуев.

В выходные — он уже у неё в Казани, и снова снег, морозы, сняли самую дешёвую комнату у одной старухи, та деликатно уехала ночевать к родственникам. Пили чай, зелёный с лимоном, дешёвый, ароматизированный, из старых со сколами чашек дулёвского фарфора, резали чёрный хлеб, сыр, огурцы, жарко грели батареи у заклеенных по старинке — ватой и бумагой — окон.

Бабка постелила чистоё бельё, и они разделись друг перед другом по очереди, целомудренно и просто, словно обменялись клятвами. Анастасия первый раз видела голого мужчину, но совсем не стеснялась, словно знала его тело столько же, сколько и своё.

На следующий день пошли в Кремль, но всё им было безразлично: башни, мостовые, музеи. Той ночью решилось, теперь они — муж и жена.

Анастасия без сожаления покинула свой город, команду синхронисток; её уговаривали подождать сезон, тренер обиделся, и девочки тоже, но она хотела быть только с Павлом, и больше ничего.

Первый год жили голова к голове в его Уфе. Она готовила еду, ходила с ним на тренировки, сидела на трибуне, если разрешал тренер. Она сидела тихо, в самом дальнем ряду. Огромные, словно трансформеры, хоккеисты с шумом входили в раздевалку, а выходили уже обычные парни. Павел, румяный, весёлый, чисто пахнущий

гелем для душа, обнимал её так, словно не виделись вечно. Шли домой, взявшись за руки, скрипел снег, и Павел через перчатки гладил её пальцы.

Потом они переехали в Москву, его позвали защитником в ЦСКА, но ничего не получилось, промучился два сезона, выдохся, ушёл. Вернулись ни с чем в Уфу.

Павел спал целыми днями, она лежала рядом, гладила его по спине, по волосам, целовала уши, затылок. Читала ему вслух любимых «Два капитана», он и не слушал, не любил книг, ему просто нравился её голос. Всё будет хорошо? Всё будет хорошо.

Её мама и родители Павла помогали, пока Павел искал работу. Анастасия поступила в пединститут на заочное, увлеклась кулинарией, — пекла по маминым рецептам торты, особенно удавался наполеон, к тортам прибавились эклеры. Анастасия стала печь на продажу. Павел устроился на работу в местный детский хоккейный клуб — помощником тренера.

Летом выезжали за город, Павел удил рыбу, Анастасия купалась. Вечером покупали в супермаркете лаваш, курицу гриль и красное вино, раскладывали на столике перед телевизором, балкон раскрыт, дети кричат на улице, а после двенадцати — тишина, только лает собака, чёрная, лохматая. Анастасия иногда выносила ей мясной паштет из супермаркета.

Когда стало испаряться счастье, когда она не закрыла флакон с драгоценными духами, Анастасия так и не поняла, хотя знала трагическую дату отчёта, но и после той даты было счастье, было.

Последнюю зиму Анастасия прожила одна в Сурино, на даче, купленной шесть лет назад за копейки, а Павел — в городе, тоже один, но Анастасия узнала от общих друзей, что он ночует у Лизы, ей даже показали её страницу в инстаграме. Обычная девушка, студентка, блондинка, ничего особенного.

До Лизы было много всего: были другие женщины и обстоятельства.

Анастасия любила Сурино, и Павел тоже.

Первым делом, после покупки, он снёс прежний фанерный домик с одной комнатой, где стояли только стол и кровать и хранился дачный инвентарь, и поставил на его месте деревянный двухэтажный сруб. Выкопал пруд. Через год пристроил к дому веранду. Летом там пили чай, а зимой веранду заносило снегом. Анастасия чистила снег лопатой, заносила его нечаянно в дом, и на половике, на одежде, на волосах, выбившихся из-под капюшона, и в окне — снег, тихо, завтра на лыжи. Влесу тоже снег, белый-белый, сосны розово-рыжие, как беличьи хвосты.

Летом в Сурино всё росло, как в учебниках по садоводству: в июне-июле — ягоды, в августе — яблоки. В августе Анастасия пекла яблочные пироги.

Угощала соседей: одинокую Валю с никчёмным сыном Валерием, он брал займы на водку, а отдавала Валентина. Анастасия жалела её. Валентина никогда не уходила сразу, сидела долго, задавала вопросы.

— Анастасия, у тебя есть интернет, посмотри, что значит «гардемарины». А Бермудский треугольник? А что значит Псалтырь?

Осенью по всей округе витал грибной воздух, грибы дуром росли даже на их участке. Анастасия выходила из дома в резиновых сапогах на босу ногу и приносила несколько груздей.

Валя не собирала грибов, и её сын тоже. Анастасия делилась с ними, — нам с Пашей двоим много.

Павла Валя раздражала, раздражал её пьющий сын. Анастасия приводила их как отягощающий качество жизни пример. Вот, мол, Валя родила сына, и посмотри, как она живёт.

Павел сердился. Между ними всё чаще разгорались разной степени опасности разговоры. Начиналось с малого: Павел мечтал, что возле дома поставит детскую площадку, батут. У Анастасии перехватывало сердце, — молчи, молчи, молчи. Но не удерживалась — для кого? да хоть для детей друзей семьи — Косолаповых, да мало ли. И часто они к нам приезжают? Ну, для каких-нибудь других детей. Для каких? Для Валиного Валерия?

Павел вспыхивал, уезжал, Анастасия не могла заснуть, писала ему сообщения, что любит и скучает. Павел отвечал только утром — выспавшийся, отдохнувший — «я тоже, родная».

Возвращался на дачу, гуляли в лесу, ходили к своему пруду, Павел обнимал её крепко, нежно и всаживал без предупреждения нож в сердце — как было бы хорошо здесь летом с сыном рыбу удить, а зимой залили бы каток...

Анастасия просила повесить качели, поставить бассейн, нарядить ёлку около дома, Павел всё делал, но без удовольствия, с упрёком. Анастасия читала между строк: зачем нам всё это, если нет детей?

Она замечала его испуганный взгляд, когда встречали беременных женщин на улице, Анастасия опускала голову, словно была виновата. Они перестали вместе даже смотреть сериалы, потому что даже в кино у всех дети, а у них — нет.

— Ты так любишь себя? Что в тебе такого хорошего, что ты так хочешь оставить потомство? — спросила она в неподходящий для откровенных разговоров момент. Они возвращались домой из гостей. У Пашиных друзей родился ребёнок — крепенький, глазастый, беспрерывно сосал грудь. А Павел, что было совсем некстати и выводило из себя, не выходил из комнаты вместе с другими мужчинами, внимательно смотрел, как молодая мать кормит ребёнка, и задавал практические вопросы: хватает ли молока, сколько ребёнок высасывает за один раз, сразу ли пришло молоко и до какого времени планируется кормление. Светлана — молодая жена, пришедшая на замену старой, ровесницы Анастасии, не знавшая про их с Павлом обстоятельства, засмеялась: «Я вижу, что вы тоже собрались».

«Куда? — Нервный смешок. — В отдел капусты?»

За ужином Анастасия как бы между делом поинтересовалась, как дела у оставленной старой жены и дочери-подростка, сколько уходит на алименты, и многое другое в таком духе. Анастасия затевала скандал, хозяева старались оставаться миролюбивыми, Павел закипал.

За глаза обсуждали, как жалко Павла, — вот он такой и такие у него достоинства, и чего он в ней нашёл, она даже ненастоящая фигуристка была, синхронистка какая-то.

В такси Павел ни с того ни с сего обиделся на водителя — «да пошёл ты»; вышли неизвестно где, брели по обочине, оба нетрезвые, усталые. Анастасия выговаривала: пускал слюну, не на ребёнка, а на новенькую жену с молочной грудью. Павел больно схватил её за плечо, тряхнул, хотел трянуть посильнее, но сдержался.

Смотрели друг другу в глаза. Анастасия подумала — ведь он меня ненавидит.

На остановке сели на скамейку. Павел пытался понять, где они находятся, чтобы вызвать такси. Они уже протрезвели.

Приехала машина, Анастасия села в неё одна.

«В поэзии нет карьеры, а есть судьба»

К столетию со дня рождения Расула Гамзатова (1923—2003)

Однажды, когда уже были прожиты три четверти века, Расула Гамзатова спросили: «Вы хотите жить до ста лет?» И он ответил полушутя-полусерьёзно: «У меня разногласия между головой и сердцем. Голова-король дает умные советы, сердце-принц не слушается их. Идет спор, постоянный, упорный и настойчивый. Конечно, хочется жить, потому что на земле еще осталось много дел, которые надо исправлять, много еще несовершенных молитв. И в то же время сто лет — это архитектурное излишество. Не хочу быть обузой. Да к тому же столетнего человека потерять не так жалко».

Уйдя из жизни в восемьдесят, в мире людей Гамзатов жив и сегодня, в год своего столетия: в сердце родных и его знавших, в памяти народа и в своих стихах.

Его «Журавли» — отзывающаяся болью и благодарностью поэзия на все времена.

Гамзатов говорил: «Стихи, которые будешь повторять всю жизнь, пишутся за один раз».

И ещё:

«Три учителя у нас: природа, годы и гениальность веков».

«Слава не делает поэта. Поэта делают талант, правда, красота».

«Наши книги — это наши паспорта».

«Тем, кто любит меня, скажу: не переоценивайте меня. Не все знают о моих недостатках. Не такой уж я хороший, как обо мне говорят, но и не такой плохой, как говорят завистники...»

«Моя жизнь не борьба, а любовь. Когда я пишу стихи, их диктует не злоба, а доброта».

Это он снова и снова повторял, как завет:

«Поэзия немыслима без любви».

Жизнь прожита большая, если судить со стороны — и счастливая, и непростая.

Воспользуемся «характеристикой», предваряющей интервью с поэтом в перестроечном «Огоньке»:

«Расул Гамзатов. Поэт. Философ. Сын Гамзата Цадасы. Отец Патимат, Заремы и Салихат. Дед четырех внучек. Балагур-рассказчик. Дипломат. Поклонник Бахуса. Эпикурец. Хитрован. Сама наивность. Открытая душа, распахнутый щедрый характер. Человек-эпоха. Удачливый, везучий. Обласканный Сталиным. Гаргантюа и Пантагрюэль одновременно. Санчо Панса и Дон Кихот. Собеседник Шолохова. Друг Твардовского, Фадеева и Симонова. Живой классик. Легенда. Непоседа, обездивший

полмира. Проведший часы общения с Фиделем Кастро и Индирой Ганди. Вечный слуга двух самых преданных ему женщин на свете: поэзии и жены Патимат. Коммунист. Наш прославленный современник. Автор сотни книг. Почти памятник. Народный поэт Дагестана. Лауреат Государственных премий. Лауреат Ленинской премии. Секретарь правления Союза писателей СССР и РСФСР. Член Президиума Верховного Совета СССР. Герой Социалистического Труда...» (Феликс Медведев, «Над и под крылом орла», июль 1987 г.)

А впереди еще полтора десятка лет в новой, постсоветской, реальности, и «время, полное напастей,/ В засаде поджидало, как абрек»...

С «Дружбой народов» Расула Гамзатова связывали многолетние добрые отношения. Он был членом редколлегии. «Очень многие его произведения пришли к читателю со страниц нашего журнала, — вспоминал Леонид Теракопьян (первый заместитель главного редактора «ДН» в позднесоветские и двухтысячные годы). — Для нашей литературы Гамзатов значил очень многое. Это был действительно выдающийся поэт, литератор. Огромным потрясением для людей моего поколения стала его книга «Мой Дагестан». Она открыла нам психологию людей, живущих в Дагестане, их культуру. Помимо прочего, выдающееся значение этой книги заключалось в том, что поэт поднял голос в защиту родного языка от вульгаризаторов, которые считали языки малочисленных народов бесперспективными. Тогда это был важный и мужественный поступок. Я думаю, что Расул Гамзатов принадлежит к замечательной когорте поэтов, которые остаются славой нашей многонациональной литературы».

На излёте дней Гамзатова волновало, «чем закончится этот великий концерт нашего бытия — знать бы». Судьба закольцевалась. Он всегда с благодарностью вспоминал, что в конце пятидесятых «ДН» напечатала его, молодого поэта, поэму «Горянка» (1958, № 9) и готовил ее к публикации сам Ярослав Смеляков — тогдашний зав. отделом поэзии. Последняя поэма Расула Гамзатова «Времена и дороги» — горькие размышления о судьбе своей («В заснеженном окне встает рассвет,/ Уже декабрь, который мне пророчит,/ Что к белым журавлям ещё короче/ Мой путь теперь, и возвращенья нет»), своего народа и всей большой страны — тоже была напечатана в «Дружбе народов» (посмертно — 2004, № 8). Её переводчик — народный писатель Дагестана Шапи Казиев акцентировал в предисловии к публикации очень важные для понимания (особенно — не-аварцами) всего творчества Гамзатова моменты:

«Аулы горцев напоминают античные амфитеатры, где вместо крова — небо и звезды. Горским поэтам, жаждающим донести свое слово до людей, приходилось вступать в диалог с вечностью. И когда поэзия Гамзатова, не обремененная подстрочниками и не скованная рифмами, предстает в своем первоизданном виде, возникает ощущение невозможности передать всю ее прелесть иным языком, с другими поэтическими традициями.

Одно из главных свойств творчества Расула Гамзатова — предельность.

Страстность и вместе с тем чеканность мысли, пронзительная точность характеристик, завораживающе образная речь, обращенная куда дальше, чем просто к читателю... Всё это рождает ощущение, что Расул Гамзатов — нечто большее, чем наше представление о нём».

Н.И.

Расул Гамзатов

«Земля — это люлька людская»

Стихи. С аварского

Поэма «Горянка» (фрагмент)

Мне с детства знакома картина
Живёт и поныне она:
В седле восседает мужчина,
А сзади — плетётся жена.
Спросил я однажды такого:
«Далёко ль отправился, Рзу?»
«Жена, дорогой, нездорова,
Вот видишь, в больницу везу...»
От сладкого слова о мёде
Без мёда не сладко во рту.
Что женщине речь о свободе
При старых порядках в быту?
В горах революция сабли
Вздымала, но женщину прав
Порой и теперь ещё в сакле
Лишает семейный устав.
Он верен минувшему веку.
Но долго протянет едва ль...
Мне кажется, вижу я реку,
Сквозь время летящую вдаль.
Несёт она воды с востока.
И реет в седой вышине
Зелёное знамя пророка
На правой её стороне.
Под ним для спасения грешных,
Забывших свой долг мусульман
Имамы в чалмах белоснежных
Читают священный Коран.
(Пророк, кем написана книга,
Изрёк поначалу всего:
«Муж есть в своём доме владыка,
А жёны — тень слова его».
Намного хитрее, чем двести
Асхабов, державших совет,
В ученье понятие чести
Свёл к слову пророк Магомет.
Имел, возвратившийся в Мекку,
Он девять покорнейших жён.)
Мне кажется, вижу я реку,
Что стала границей времён.

Над берегом правым густая
Нависла минувшего тень.
Над левым заря золотая
Венчает сегодняшний день.
И женщины тянутся к свету,
Восстав против воли родни,
Бросаются вплавь через эту
Опасную реку они.
Иные нашли в ней кончину.
Печали по ним не тая,
Гляжу на седую стремнину
Реки символической я.
Течёт она в сакле и в поле,
Она — и в сознание рубеж
Меж берегом женской недоли
И берегом светлых надежд...

Перевод Якова КОЗЛОВСКОГО
(«ДН», 1958, № 7)

* * *

С шерстью овечьей я сравнивал слово,
Сравнивал с буркой стихи иногда.
Сколько от шерсти до бурки готовой
Долготерпенья и сколько труда!

Слово — лишь нитка, а стихотворенье —
Многоузорный стоцветный ковёр.
Сколько вложили труда и терпенья
В каждый оттенок и в каждый узор!

Перевод Наума ГРЕБНЕВА
(«ДН», 1963, № 2)

* * *

Был мой родитель горским стихотворцем.
За долгий век он написал в стихах
О всех соседях, всех хунзахских горцах,
Об их деяньях светлых и грехах.
И вот пришли однажды старики
И так сказали: «Мы понять не можем,
Как вышло, что о той, кто всех дороже,
Не сочинил ты ни одной строки?»
Но было у отца своё сужденье:
Кто, мол, жену возносит — тот глупец,
А кто жену поносит — тот подлец.
...А я всю жизнь писал стихотворенья
О собственной жене, и наконец
Я понял лишь теперь, что прав отец.

Перевод Наума ГРЕБНЕВА
(«ДН», 1972, № 5)

* * *

Земля — это люлька людская.
Качается люлька с людьми.
Веками качается, нам намекая,
Что мы остаёмся людьми.
А в люльке веками скулят не смолкая,
Веками режут и режут...
Качается люлька такая людская,
Где маму веками зовут!
Одни в этой люльке от голода плачут —
Веками хотят молока,
Другие — веками от радости пляшут,
Любимую куклу схватив за бока!

А третьи хотят кувыряться всё время,
Устраивать трам-тарарам!
А эти всё время сражаются с теми —
Как петухи по дворам!
Земля — это крепкая люлька людская.
Качается люлька с людьми,
Веками качается, нам намекая,
Что мы остаёмся детьми.

А в люльке одним улюлюкает вьюга
В то время, как жарко другим...
И мы донимаем веками друг друга
То смехом, то плачем своим.
Просящий, дающий, скулящий, поющий,
Всяк сущий, какой-никакой,
Однажды — не дважды, не на ночь — навеки
Уснёт в этой люльке людской

*Перевод Юнны МОРИЦ
(«ДН», 1978, № 4)*

* * *

Прекрасная, лучше помиримся!
Омар-Гаджи

Акация, как раненая птица,
Крылами бьёт на выжженной скале,
Как будто тщится
В поднебесье взвиться,
Где плещутся зарницы и во мгле
Растаяли пернатых вереницы.
Так женщина, предав дитя земле,
Над свежеею могилою томится.

Любимая, нам надо помириться!

Тур, обезумев, к пропасти стремится,
Ревёт в тоске, но милой не найдёт.
Не для него родник в траве струится,
Искрится лёд, альпийский луг цветёт.
О, где та милосердная десница,
Что пулей скорбь навечно оборвёт?!
Я слышу зов, и в горле ком встаёт,
Страницу застыт слёзы на ресницах.

Любимая, нам надо помириться!

Струится кровь, повержен в пыль возница,
В Койсу кружится жалкий фаэтон,
А конь тоской предсмертной полонён,
На мёртвого напарника косится.
Сменяет ночь туманная денница.
Мой сон забыт, а песня словно стон.
Да, я влюблён и обречён казниться
Тоскою всех народов и времён.

Любимая, нам надо помириться!

*Перевод Станислава СУЩЕВСКОГО
(«ДН», 1981, № 1)*

* * *

Одни времена миновали,
Другие пришли времена,
Но стала иною едва ли
Священной Каабы стена...

Я вновь причащаюсь к святыне,
В родные вернувшись края:
Мой дом — моя Мекка отныне,
Кааба святая моя.

Он близок, мой хадж,
к завершенью,
И, движимый силой любви,
Прошу у Аллаха прошенья
За все прегрешенья свои...

Не знаю, согласишь ты, нет ли,
Но, кажется, не было дня,
Когда б не молил, чтоб немедля
К тебе отпустили меня.

Но всё получалось иначе
И с разных звучало сторон:
«Ты должен!.. Ты выбран!..
Назначен —
Творить и бюджет, и закон...

А ты — ты не можешь и взглядом
Уныния скрыть своего,
Когда заседаешь ты рядом
С великими мира сего!..»

Но всё же в течение века
Всему наступает конец...
Мой дом — он теперь моя Мекка,
Мой дом — он Кремлёвский дворец.

Там ждёт меня, глаз не смыкая,
Всевышнего главный презент —
Моя Патимат дорогая,
Единственный мой президент.

Она всё умеет и может,
В ней — суд и спасенье моё...
Пяти континентов дороже
Пять тоненьких пальцев её...

Она исцеляет и ранит,
Накажет меня и спасёт —
И Дума моя, и парламент,
Надежда моя и оплот.

Из прочих компаний я выбыл,
И в нашем орлином краю
Она — мой единственный выбор,
Свой голос лишь ей отдаю.

И дом мой, в порыве едином
Поднявшись над всей суетой,
И Мекка моя, и Медина,
И камень Каабы святой...

*Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ
(«ДН», 2003, № 10)*

Елена Долгопят

2021

Это видят: Доступно всем

Кажется, что события следуют друг за другом (из небытия в небытие), строго соблюдая последовательность. Почти как мы в очереди на 388 автобус близь ВДНХ. Впрочем, иногда находятся наглецы, пролезающие впереди всех.

Но в конечном счете мы все оказываемся в автобусе: и наглецы, и законопослушные граждане. И всех нас автобус везет: и первых, и последних.

Дневник ведется изо дня в день в строгой последовательности, хотя и с пропусками. Но даже если я пишу о только что пережитом дне, я не умею соблюсти строгой очередности событий (причуд) этого дня. События-наглецы лезут впереди всех, как будто боятся, что я их забуду. Точнее, это я боюсь их забыть (о тех, что забыты, уже бояться поздно).

Событие — чей-то разговор, взгляд, пришедшее на ум сравнение, зачаток рассказа. В дневнике я выстраиваю сюжет дня, сюжет не равен дню, равенство невозможно.

День-месяц-год — координата. Указатель в никуда.

В дневнике все дни оказываются от меня равноудалены.

В дневнике нет никакого времени — вот что я пытаюсь объяснить.

Все эти цифры (координаты) — фикция. Часть сюжета.

Год 2021.

Есть ли у него признаки, только ему присущие признаки, по которым любой скажет: да, точно, это он, двадцать первый и никакой другой?

В моих записях таких признаков нет, даже когда они есть.

Маски от вирусов на лице, в руках айфон (по радио сказали, что невероятно улучшено качество фотосъемки), только что увиденный новый, этого года, фильм. Это не маркеры времени, это обман. Ловушка для простаков. Я (автор) — в их числе.

Мы следуем по указанным координатам (день-месяц-год), но попадаем (всегда) в другие. В тот день (час), когда читаем эти записи.

Если, конечно, читатель им найдется.

Двадцать первый век. Двадцать первый год.

Век длится, год канул, исчез навсегда, не вернётся.

Был — не был?

Долгопят Елена Олеговна — прозаик, кинодраматург. Родилась в городе Муром Владимирской области. Окончила Московский институт инженеров транспорта (1986), сценарный факультет ВГИКа (1993). Автор книг прозы: «Тонкие стёкла» (Екатеринбург, 2001), «Гардеробщик» (М., 2005), «Родина» (М., 2016), «Русское» (М., 2018), «Хроники забытых сновидений» (2022). Публикуется в журналах «Знамя», «Новый мир». Постоянный автор «ДН».

7 января

Это видят: Доступно всем

Равновесие

Мама взяла белую нитку, вдела в иголку, встала у окна у тюлевой нашей занавески и принялась зашивать мелкие прорехи. Я так и вижу: сумрачное зимнее утро, белая прозрачная занавеска — сама как зимний морозный узор на стекле, только что не тает (но рвется). И мама стоит у окна и аккуратно, сосредоточенно, стежок за стежком восстанавливает разорванные связи. И успокаивается. Находит равновесие. Его нарушил мой звонок: мама я сломала руку, еду в больницу.

Ничего, ничего, ничего.

У художника Краснопевцева есть картина «Равновесие». На пробитой вазе держится досочка; весы своего рода. На досочке справа — тонкошей вытнутый сосуд, ветка с сухими листьями клонится влево, к ветке привязан свиток (в бумажном свитке есть некоторый вес? вес написанных на нем слов? или пустота, легкость?). Свиток, перо, ветка, сосуд, — всё это держится только чудом, только на картине, а в живой жизни один лишь последний выдох опадающего мертвого листа разобьет этот хрупкий мир.

Фоторепродукции Краснопевцева украшают стены в коридоре травматологии.

Разбитые, покалеченные вазы сложены и держат равновесие. Разбитые и сломанные пациенты сложены и держат хрупкое равновесие. Здесь картины Краснопевцева не про метафизику мертвых тел, а про равновесие живых.

Где-то между Перловкой и Мытищами есть кладбище. Моя новая знакомая Валя (ее кровать слева, моя — вдоль окна, у Вали перелом плеча, упала, наряджая елку, не удержала равновесие). Валя рассказывает о смерти матери, о том, как ходила с работы через кладбище и просиживала у могилы до полуночи. Я пытаюсь вообразить свежую эту могилу, в ней мертвого человека. Равновесие — это усилие, сопротивление силе тяжести, доступно только живым, мертвый не сопротивляется, он сам уже часть земли, сам тяжесть, притяжение. И живой человек не в силах отступить, сидит на лавке в темноте, плачет, говорит: мама, мама, мама. Половина собственной жизни утрачена, половина себя потеряна. Какое уж тут равновесие, нужна новая походка, до нее еще надо дотерпеть. Не знаю, курила ли Валя у могилы. (Валя заядлый курильщик, в больнице не задымишь, не забалуешь, — она доставала сигарету, вдыхала вожделенный запах.) Наверняка слышны были электрички. Наверняка.

Моя кровать вдоль окна. Ночь, не спится. Я сажусь и смотрю на волю. Зима. Неспящие окна в дальних домах. Фиолетовые новогодние огни. Пустая вертолетная площадка. Тихо. Храп в палате слышится как бесконечный вопрос: што? што? што? што? Флаг колеблется на ветру темной тенью, темной птицей. Третий высокий этаж. Слом привычного.

Што? што? што?

Утром маленькая машина будет расчищать вертолетную площадку от снега. Долго, тщательно.

В приемном покое покоя нет. Долгий коридор. Двери в смотровые, рентген и прочие кабинеты откатываются вдоль стен; двери пронумерованы громадными цифрами; похоже на корабль (воображаемый). Столпотворение. Покалеченных привозят на каталках, в креслах, привозят, приводят, усаживают. Те, кто на своих двоих, приходят сами. Ждите. Ждите. Ждите. Прибывают и прибывают, конца нет, кажется, что там, за стенами, война. Вызывают, выкрикивают фамилии.

Гипс.

Рентген.

Кардиограмма.

Кровь.

Сдавайте верхнюю одежду.

Дело делается, о тебе не забывают, суетиться не надо, надо ждать. Один из высоченных медбратьев.

В системе каждый должен знать своё место.

После операции прилетает ночная фея, делает наркотический укол. Глубокий спокойный сон.

Просыпаюсь рано. Встаю, выбираюсь из палаты, хожу по маленькому ночному коридору. Мимо картин Краснопевцева.

Держим равновесие. Держим.

(Я дома. Спасибо добрым людям. Подхватили, поддержали, подвезли, приняли, сложили заново. Рентгенолог из Патер-клиник Ирина Баатровна, великодушный таксист, врачи, медсестры, медбратья, санитары, санитарки, разносчица еды, анестезиолог, ординаторы, соседи по 7-й палате травматологии 20-й больницы города Москвы; ортопед-травматолог Владимир Сергеевич, спасители, спасатели, труженики!)

14 января

Это видят: Доступно всем

Лето было дождливым, влажным, холодным, я выбежала в сад и поразилась разросшейся, выше меня поднявшейся траве. О лете говорили взрослые. Они сидели в доме за желтым светящимся окном, пили чай из круглых блюдец. Рассказывали о том, что было, кто жив, кто умер. А Ленка-то, Ленка-то как выросла. Это обо мне. Я эти разговоры любила, любила наше летнее возвращение в старый город и в старый дом, в старые времена.

Добирались мы долго через большую страну, на скором поезде, мимо озера Байкал, по железным мостам через множество рек, с пересадкой в необъятной Москве. Из года в год мы так ездили к бабушке на лето. Буфет, зеркало, телевизор «Рекорд», антенна на железной крыше. Тогдашняя жизнь никогда ведь не повторится (по крайней мере, со мной). Но казалось, что она навсегда. Мне думается, даже взрослые были как дети и верили в постоянство, в незыблемость этого маленького мира: дороги от станции мимо заводских корпусов, огненного чая в круглых блюдах, варенья из вишни.

Мамина детская фотография на буфете. Бабушка пудрила еще совсем не старое лицо. Я видела себя в зеркале, и собственные глаза мне казались темными и глубокими.

Мир был самый простой. Деревянные дома на четыре семьи. Яблони, вишня, смородина, клубника, картошка, морковь, золотые шары, флоксы, розовый куст, приبلудная кошка; город, не деревня, заводская окраина. Клуб. Парк. Школа. Памятник летчику Гастелло.

В конце августа бабушки оставались одни в своем раю. Писали письма детям и внуками, вкладывали в конверты АВИА. Никакой авиапочты в городе не было, письма везли в багажных вагонах медленных пассажирских поездов.

На улице Жданова, у парка 50-летия Октября, стоял на вечном приколе самый настоящий пассажирский самолет, для местной ребятни он был невидалью. Мы забирались в салон, смотрели в иллюминаторы на привычные близкие пятиэтажки, как будто из дальнего далека, как будто в подзорную трубу. Как будто мы были пришельцы. Из будущего, конечно.

22 января

Это видят: Доступно всем

Воробьева явилась, как обычно, за пятнадцать минут до начала урока. Устроилась за столом, вынула аккуратно надписанную тетрадь, вынула карандаш, ручку, ластик, линейку, транспортёр, учебник.

Отрешенно наблюдала за хмурым небом. Ученики приходили, переговаривались, бросали рюкзаки и сумки, таранились в экраны смартфонов, кашляли.

Воробьева сидела на последней парте в среднем ряду. Зрение у нее было прекрасное. Она видела царапины, трещины, отверстия от кнопок на деревянной панели для объявлений, видела мятый воротник рубашки Алексея Панова, видела его неровно подстриженные ногти, видела пушок на его верхней губе.

Карташова примчалась, плюхнулась рядом с Воробьевой.

— Дай списать.

— Бери.

Карташова писала и шевелила губами: «Икс плюс игрек».

— Ты повнимательней, Карташова, — равнодушно заметила Воробьева, — не плюс, а минус.

— Черт. Да. Спешу потому что.

Серое небо притягивало взгляд Воробьевой.

— Ух. Всё. Можно выдохнуть. Спасибо.

— Карташова.

— Что?

Воробьева помолчала, посмотрела на выщипанные карташовские брови.

— Пойдем отсюда.

— В смысле?

— Неохота торчать здесь.

Карташова смотрела на Воробьеву ошарашенно.

— Ну. Я не знаю. Я матери обещала.

Воробьева не настаивала. Утреннее небо казалось вечерним. Карташова тоже посмотрела на небо. Посмотрела на влажную, только что протертую дежурным Пановым доску. И воскликнула:

— А! Черт с ним со всем!

Воскликнула так отчаянно, как будто в пропасть ухнула.

Воробьева открыла свой маленький хорошенький рюкзак нежного розового цвета, неизменно чистый, и неспешно принялась складывать в него тетрадь, учебник, линейку, транспортир, карандаш, ручку, ластик.

— Ты это, — Карташова облизнула пересохшие губы, — скорей, звонок шас.

— Зинаида всегда опаздывает.

— Ну... да.

— А знаешь почему? Потому что от лифта возвращается и проверяет газ, свет и воду.

— Откуда ты знаешь?

— Слышала. Физрук говорил.

— Кому?

— Мне.

Воробьева поднялась и направилась к выходу из класса. Карташова схватила свою тетрадь, сумку и поспешила следом. Панов окликнул:

— Карташ, ты чё? Ты меня бросаешь?

Карташова сидела с ним — прямо перед учительским столом. «Чтобы всегда на моих глазах», — объясняла Зинаида. Уже в дверях Воробьеву и Карташову застал звонок.

Воробьева спокойно, уверенно вырулила из класса и направилась к туалету.

Карташова испуганно огляделась и догнала Воробьеву.

— Ты куда? Зачем?

— Переждем. Чтоб не напороться.

Стояли в туалете у замазанного белой краской окна. Пахло хлоркой. Слышно было, как кто-то бежит, топчет по коридору.

— А почему... — начала было спрашивать Карташова.

— Тссс, — Воробьева прижала палец к губам.

И Карташова заметила, что лак на ногтях Воробьёвой фиолетовый, свежий.

— Теперь пошли.

— Уверена?

Воробьёва пожала плечами и отворила дверь.

На лестнице встретили какого-то мелкого мальчишку, он сопел и карабкался вверх со ступени на ступень. Рюкзак он волоком тянул за собой. Воробьёва сказала мальчишке:

— Здравствуй.

Он не ответил.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— А чего здороваешься?

— Хотела его подбодрить.

— Да он и так бодрый.

Охранник спросил:

— Куда направляетесь?

— У нас поручение, — хладнокровно сообщила Воробьёва.

Во дворе она вдруг остановилась и подняла к небу узкое, с острым носом лицо.

Карташова топталась рядом.

— Слушай, тут окна кругом. Кто-нибудь смотрит сейчас.

— Да, — решила Воробьёва, — ты права.

И они двинулись от школы подальше по черной, мокрой асфальтовой дорожке.

Шагали не спеша, глазели по сторонам.

За окнами «Шоколадницы» сиял свет, за круглым столиком сидела тетка и пила что-то из большой кружки.

— Капучино или лате, — мечтательно сказала Карташова.

— Я бы выпила двойной эспрессо, — сказала Воробьёва. — С круассаном.

— А я бы пирожное съела. Знаешь, такое шоколадное. И пропитка. Типа ром.

Или коньяк.

— У тебя сколько денег? — поинтересовалась Воробьёва.

— Нисколько. Стольник. Чай в столовке и кекс.

— Карташова, а куда бы ты пошла? Если бы одна была сейчас.

— Не знаю.

— Ну вот дернула ты с уроков. Вот стоишь. Холодно. Дождик крапает. Вон уже зонтики пораскрывал народ. В кармане стольник.

— В макдак можно. Возле метро. Там кофе. Знакомые, может. Угостят.

— Тепло, в любом случае, — согласилась Воробьёва.

Знакомых никого не оказалось. Заняли свободный столик. Наблюдали, как люди расплачиваются, как несут подносы, как разворачивают бургеры, как берут картошку-фри, жуют, промокают пальцы салфеткой.

— Всё бы хорошо, — простонала Карташова, — но так жрать охота, что голова кружится.

— Спокойно. Смотри внимательно. К кому бы ты подошла?

— Зачем?

— Затем, что денег нет, а есть хочется. Ну? Кто сжалится и накормит?

Карташова смотрела, думала.

— Вот он.

— Светленький?

— Да. В зеленой куртке.

— Почему он?

— Не знаю. Культурный. На Митю нашего похож. Положительный. Покладистый.

— Принцип отбора ясен. А я бы нет. Я бы к другому подошла.

Владислав Дунаев

Русские в Японии

Освоение чужой культуры, вживание в нее — дело нелегкое и в значительной мере индивидуальное. Сколько людей, столкнувшихся с такой необходимостью, — столько и личных историй. Будучи собственным корреспондентом АПН — РИА «Новости» в Японии, я слышал немало историй, связанных с русскими, волей судеб оказавшимися в Японии. Некоторые и хочу рассказать.

Процесс реального знакомства японцев с русскими начался после революции Мэйджи в середине девятнадцатого и активизировался в двадцатые годы прошлого века, когда в результате октябрьского переворота в России русские эмигранты оказались в том числе и в Японии. Со многими мне доводилось встречаться и разговаривать.

Одним из них был известный не только в относительно узком кругу японоведов, но и среди спортсменов, занимающихся восточными единоборствами, многолетний старший преподаватель кафедры японского языка Института стран Азии и Африки МГУ, вдохновитель и организатор Всероссийского общества кэндоистов¹ Владимир Александрович Янушевский².

Янушевский происходил из дворянской семьи (родовой герб Янушевских ведет начало от 1084 года), был человеком, о каких говорят — «рафинированный интеллигент», при этом невероятно деликатным и скромным. Перед уходом из жизни он решился рассказать, как его отец, подполковник царской армии, покинул Россию и очутился в Японии еще до прихода к власти большевиков. Причиной его эмиграции был политический протест против реформ в армии, которые в короткий период пребывания у власти пытался провести Керенский.

Отец Янушевского до самой смерти остался предан России и, уходя из жизни, завещал сыну обязательно вернуться на родину и поклониться могилам их предков. Сын завет отца выполнил. Но с первых минут пребывания в СССР, стране, образовавшейся на месте той, которую Владимир Александрович знал по рассказам отца и своей наставницы с раннего детства Варвары Бубновой³, младшему Янушевскому

Дунаев Владислав Иванович (род. в 1937 г.) — журналист-востоковед, много лет проработавший в Японии в качестве собственного корреспондента АПН — РИА «Новости». Автор книг «Японцы в Японии», «Японцы на рубежах», «Япония глазами перестройки», «Достоверный том» и других, а также сценариев двух полнометражных документальных фильмов: «Русские в Японии» и «Дети Великой гармонии».

¹ Кэндо — боевое искусство фехтования на бамбуковых мечах.

² О нем я подробно написал в книге «Достоверный том».

³ Бубнова Варвара Дмитриевна (1886—1983) — русская художница, педагог и искусствовед. В 1922 г. эмигрировала в Японию, преподавала там русский язык и литературу, за вклад в развитие японо-русских культурных связей и заслуги в области изучения в Японии русского языка и литературы была награждена орденом Драгоценной короны четвертой степени. Помимо Владимира Янушевского была также наставницей и воспитателем своей племянницы — Ёко Оно, жены Джона Леннона.

пришлось окунуться в бесконечные проблемы. Началось с того, что жить в Москве ему было заказано. Очутился он в Молдавии, где какое-то время работал инженером по холодильным агрегатам. Жене Янушевского, японке, предложили работу в японской редакции Гостелерадио. Семья на время разделилась. Иностранка потратила немало нервов и времени, добиваясь разрешения для мужа жить вместе с ней в Москве.

В Иокогаме до начала войны Владимир Александрович учился в американском колледже. Родной язык русскому мальчику преподавала высокообразованная Варвара Бубнова; японский он, естественно, изучал в средней школе, а потом на японском языке окончил университет. Но в советской столице *носителю* японского, английского и русского языков было предложено сдать экзамен по японскому, чтобы получить работу в «Интуристе».

Экзаменовал Янушевского только что окончивший ИСАА молодой сотрудник. Горе-«специалист», не способный связать по-японски и трех слов, великодушно поставил Янушевскому тройку с натяжкой. Узнав об этом, профессор Института восточных языков Иван Васильевич Головнин тут же предложил Янушевскому должность старшего преподавателя японского языка в ИСАА, где Владимир Александрович проработал до ухода из жизни. Многие выпускники этого факультета именно ему обязаны знанием живого разговорного японского языка.

В 20-е годы русские пробирались на Японские острова через Южный Сахалин, который в те времена принадлежал Японии. Большинство их осело в Токио и его пригородах. Первое время они тешили себя надеждой, что случившееся в России ненадолго. Такие ожидания разделяли многие, очутившись в эмиграции, не только в Японии. А Япония для русских, хотя и находилась от Дальнего Востока неподалеку, оставалась малознакомой, весьма специфической страной, где иностранцы, которых тогда в Японии практически не было, даже внешним видом привлекали к себе пристальное внимание. Им было психологически непросто находиться среди японцев. Японцы носили тогда в основном только национальную одежду и резко отличались от европейцев манерой поведения в обществе. Они непроизвольно заглядывались на непривычных для них чужестранцев, что создавало атмосферу дискомфорта обеим сторонам. Невольно вспоминаю, как в послевоенном Днепрпетровске в детстве впервые увидел темнокожего человека. Прохожие смотрели на него, открывши рты...

Помню также, как уже в 60-е годы попал в отдаленный от центра Токио район Икэбукуро, где тут же стал объектом пристального внимания. Что уж говорить о далеких двадцатых прошлого века. Именно на русских японцы стали «обкатывать» тогда свои первые отношения с европейцами, осваивать их манеры, поведение, привычки.

Основная масса русских, оказавшихся в Японии, состояла из мелких торговцев, мастеровых, людей, умелых в ловле рыбы, ее обработке и консервации, солении, сушке, вялении, — жителей сибирских районов и Дальнего Востока. Именно их житейский опыт и помог им оставить о себе в Японии добрую память, не раствориться бесследно в японском обществе. Оказались в Японии и представители более высокого социального слоя: музыканты, ученые, лингвисты, люди с инженерным образованием. О некоторых из них в Японии написаны книги. О той же Варваре Бубновой.

Многие из простых людей, уже в преклонном возрасте, в 60-е годы прошлого века, рассказывали, как бок о бок с японцами преодолевали трудности тогдашней непростой жизни.

Территория Японии небольшая, скученность населения в городах высокая. Вот и приходилось на небольших пятках пространства учиться сосуществовать и поддерживать добрые отношения с хозяевами страны, людьми совершенно иной культуры, преодолевая на первых порах еще и сложный языковой барьер, стараясь

не выказывать недовольства, раздражения, а, напротив, давая понять, что они благодарны гостеприимным хозяевам за приют, чего порой так не хватает современным эмигрантам.

Русские в Японии группировались вокруг пятнадцати православных храмов, в первую очередь вокруг кафедрального собора «Николай-до» в токийском районе Отяномидзу. Построенный в 1891 году храм, получивший свое имя в честь его основателя и многолетнего служителя Николая Касаткина¹, стал для них местом прибежища и единения.

Помимо русских, из России в Японию эмигрировало много татар, в основном тех, кто служил в царской армии и не приветствовал революцию. Эти два народа — русские и татары — несмотря на жесткость противостояния в ранний исторический период, на протяжении веков смогли сплестись между собою, каждый сохранив при этом свою культуру, быт, традиции, язык. Татары, сохраняя и в Японии собственную культуру, живя интересами общины, женились между собой, при этом тесно общались с русскими, используя русский в качестве средства общения с другими соотечественниками. Вся татарская колония, около 500 человек, сгруппировалась в токийском районе Ёёги, где была мечеть. Этот район японской столицы в 60-е годы привлек к себе внимание всего мира. В нем самый влиятельный японский архитектор XX века Кэндзо Тангэ представил свои знаменитые сооружения, построенные к токийской Олимпиаде 1964 года.

Мне не раз приходилось сталкиваться с татарами на нашем теплоходе, курсировавшем на линии Иокогама — Находка. Не все они торопились возвращаться на родину. Видимо, некоторые прочно осели в Японии. Судя по тому, как щедро они рассылали приглашения родственникам приезжать к ним в гости в Токио, многие сумели в Японии крепко встать на ноги.

Русские, в отличие от татар, жили в Токио, так сказать, «в россыпь», но тоже старались устраивать браки в основном между своими. Смешанных браков было мало. Дело в том, что в смешанных семьях, особенно в тех, где мать была японкой, дети неизбежно тяготели к японской культуре, постепенно полностью утрачивая русские корни.

Вопросы о том, как жить в Японии, обсуждались совместно в стенах православного храма Святого Николая, и решение было таково: выжить можно, лишь следуя принципу «человек, помоги себе сам!» Группами и в одиночку русские отправились в тесные кварталы, переулки и тупики Токио, прикидывая, как и чем ненавязчиво, с пользой для дела обозначить свое присутствие в повседневной жизни подозрительно смотревших на них людей.

Начали, как подсказывала интуиция, с простого. Практически при полном незнании японского, русские все же смогли поделиться с местным населением опытом варки варенья, соленья рыбы и овощей, сушки грибов. Все это, как ни странно, японцы с удовольствием приняли. Более того, быстро освоили и стали использовать в своем быту. Как им свойственно, в новые для них рецепты японцы вносили свои национальные особенности. Варенье варили, резко снизив долю сахара. При засолке овощей сократили количество вредной для здоровья соли. Постепенно все это становилось у них как бы уже своим. В хозяйственных магазинах и лавках Японии можно приобрести теперь удобные по форме, разных размеров пластиковые контейнеры для соленья овощей с набором гнётов разного веса из тяжелого пластика вместо наших природных камней. Приходится удивляться, почему у нас до сих пор не переняли эту полезную «технология». По старинке в русских деревнях и на дачах используют не очень гигиеничные деревянные бочки, требующие трудоемкой запарки с можжевельником и прочими компонентами.

¹ *И. Д. Касаткин* (1836—1912) — епископ Русской православной церкви; архиепископ Токийский и Японский. Прославлен в лике святых как равноапостольный (1970).

Соят японцы редьку всех видов, включая известный уже и у нас дайкон, который подкрашивают в желтоватый цвет, корейскую листовую капусту (напа кэбидж), баклажаны, чеснок, морковь. Все это считается вкусовой добавкой к вареному рису. Японцы считают, что сочетание пресного риса с не очень солеными овощами благоприятно сказывается на пищеварении. Может, это один из ответов на вопрос, почему японцы долго живут?

Делясь уже собственным опытом, советовал бы и нам многие рецепты заимствовать у японцев. Например, у них пирожные вкусные, но менее сладкие, чем у европейцев, и это, как считается, снижает риск заболевания сахарным диабетом.

Вообще в ежедневном рационе японцев насчитывается не менее тридцати пяти различных видов продуктов, включая мясо, рыбу, овощи и фрукты. При этом каждый продукт употребляется в небольших количествах. Вместо привычного у нас хлеба японцы едят рис.

Тем не менее русская кухня заняла свое место в Японии, внося разнообразие в надоедающую повседневность. В крупных городах севера страны и, конечно же, в Токио есть небольшие, но популярные русские рестораны.

Особенно полюбили японцы русские пирожки. Недалеко от нашего посольства, в здании, построенном в стиле собора Василия Блаженного, долгие годы существовал ресторан «Волга». Несколько лет назад «Волги» не стало. Недавно я получил из японской столицы фотографию ультрасовременного здания, только что построенного неподалеку от места, где находился ресторан. В этой связи расскажу забавную историю, наверное, неизвестную не только нынешней широкой публике, но и японоведам, — ведь из русских старожилов в Токио практически никого не осталось.

До появления здания из металла и стекла на этом месте долгие годы стояло уютное невысокое строение, в котором размещалось почтовое отделение. После капитуляции Японии в этом здании оборудовали казарму для советских военнослужащих из миссии генерала Деревянко. Того самого, который 2 сентября 1945 года на палубе американского линкора «Миссури» от имени СССР вместе с американским генералом армии Макартуром и другими представителями стран антигитлеровской коалиции поставил подпись под текстом акта о безоговорочной капитуляции Страны восходящего солнца. По слухам, Сталин был раздражен высокомерием своих маршалов и в качестве предупреждения им для подписания акта о капитуляции Японии решил направить в Токио военачальника рангом ниже, всего с двумя звездочками на генеральском погоне — Кузьму Николаевича Деревянко. Мой преподаватель японского языка Святослав Витальевич Неверов был при Деревянко переводчиком. Как-то, проезжая по району, где находилось наше посольство, они решили перекусить. Через дорогу от посольства тогда недавно открылся небольшой ресторанчик. Неверов обратил внимание на вывеску — «Забегайловка». Надпись была намалевана вкривь и вкось русскими буквами. Неверов поинтересовался у хозяина ресторана, откуда такое экзотическое название. Японец с достоинством ответил: «Русский из советского посольства напротив сказал, что в Москве есть популярный ресторан с таким названием. Поэтому и решил популярным у русских словом привлечь к себе их внимание. Благо работают напротив».

Узнав у Неверова, что с ним высокий военный чин, хозяин попросил перевести генералу, что он может обеспечить трехразовым питанием военных, расположившихся рядом, в здании почтового отделения. Деревянко, особо не вникая в суть вопроса, по-военному, отрезал, что предложение японца ему — как рыбке зонтик. Неверов замешкался с переводом японского эквивалента «рыбки с зонтиком» (японский аналог — при хорошей луне фонарик не нужен). Генерал Деревянко, немного изучавший в академии японский, строго спросил у Неверова: «Забыл, как будет по-японски “рыбка”? Запомни — “сакана”. А зонтик — “каса”». Неверов смеяться

Ольга Липко

Волонтерка, или Моё место на Земле

Этим летом в Черногории одна из моих любимых учениц Ольга Липко позвала к себе в горную деревню, где обрела дом и любовь — красавца Серджана, чьи предки, можно сказать, былинные герои, — бабушка с дедушкой — обитали в средневековой деревушке Биельске Крушевице. Еще меня встретили четыре спасенные Ольгой собаки, две кошки, кот, четыре курицы, петух и супружеская пара кучерявых свинтусов с потомством, чьи права никто не собирается ущемлять. И все это под сенью древних олив и двух белых шелковиц, хранящих не первое поколение обитателей дома. Встреча во Вселенной — абсолютное чудо, хоть мне для этого надо было перелететь в другую страну, переехать в другой город, пересечь на пароме моря. И, петляя по горной дороге с цветущим лиловым шалфеем по обочинам (клянусь, мы ехали с закрытыми глазами!), Серджан вознес нас на вершину горы. Уж крышу его дома, сколоченную своими руками, — точно можно считать вершиной! Выше — только храм Святой Теклы, а по-нашему Феклы, творительницы чудес. Грех был бы не описать это и не воспеть в самых возвышенных тонах, тем более моему семинаристу, приученному каждый день встречать изумлением и восторгом. Я потребовала рукопись, и она прислала. Чёрт побери, я смеялась и плакала, читая, — это такая свежесть, всё движется, живет, благоухает морем, травами. Столько любви и печали. И бесконечной доброты. Фактически это ее первая солидная публикация. Надеюсь, она вдохновит мою Ольгу на новые подвиги...

Марина МОСКВИНА

День Святой Теклы

Я ждала этой встречи больше года. Прошлым летом мы познакомились шапочно, я даже не знала ее имени, но чувствовала умиротворение и радость каждый раз, когда приходила просто постоять рядом. Потому ли, что эта церковь выше всех и Богу оттуда слышнее молитвы, или потому, что редкому посетителю отводится больше внимания, — как бы то ни было, мое обращение к Всевышнему возле церкви Святой Теклы было рассмотрено и одобрено. А иначе как бы я оказалась в самом прекрасном месте на Земле рядом с красавчиком Серджаном?

Ольга Липко — журналист, прозаик. Родилась в 1979 году в подмосковных Люберцах. Окончила факультет тележурналистики ИСИ, где писательское мастерство преподавала Марина Москвина. Работала журналистом на центральном ТВ (каналы ОРТ, «Культура» и ТВЦ). Печаталась в газетах «Аргументы и Факты», «Вечерний клуб» и других. Автор путеводителей по Исландии и Словении. Переводит с английского. С 2020 года живет в горном селе Биельске Крушевице в Черногории.

Всего в нашем селе четыре церкви: Святого Архангела Михаила, Святого Иоанна Крестителя, Святого пророка Иеремии, Святой Первомученицы Равноапостольной Теклы (по-нашему Феклы) — и эта крошечная церковь мне милее всех. Она высится на самом пике холма и оттого, что мала и проста, а вокруг исполинские горы и вся Боко-Которская бухта как на ладони, — предивна! (Так говорят в Черногории о чем-то необычайно красивом).

На днях сосед Благо — он работает смотрителем всех четырех церквей — провел для меня экскурсию: рассказал о старом кладбище иллирийцев (первых славян, прикочевавших сюда в железном веке), оно за церковью тянется нагромождением каменных обломков. А еще поведал историю чужестранки вроде меня. В XVII веке местный мореход, капитан, отправился в очередное плавание и вернулся домой с большой партией ценного груза и с женщиной из Монголии. Они жили в нашей деревне. Никто не знает, хорошо или плохо, никто не знает даже ее имени. Известно только, что, когда она умерла, похоронить иноверку на христианском кладбище у храма Архангела Михаила не разрешили. Останки предали земле рядом с иллирийским могильником. Так надгробный камень безымянной буддистки и православная церковь Святой Теклы расположились бок о бок, и эта компания мне очень импонирует. Чуть что — тревога, сумятица на сердце — я иду на холм. «Привет, Текла! Привет, Монголка!» Посажу на церковной скамейке, поплачусь, и как-то все налаживается. Даже удивляюсь потом, чего это я тогда так сильно распереживалась.

Поскольку в селе живет полтора человека, службы здесь проводят редко, как, впрочем, и в трех других церквях. Если только случается свадьба, похороны или крещение, — тогда приезжают священники из города и собирается с десяток прихожан. А еще в День поминовения святой — 7 октября — ранним утром окрестности оглашает колокольный звон.

Первый звон — недолгий — раздается в семь часов. Это проверка, в рабочем ли состоянии колокол. В восемь Благо оповещает население о предстоящей службе, и через час — как третий финальный звонок в театре — колокол настойчиво бьет перед самым богослужением: представление начинается!

Велика позитивна енергия!

«Велика позитивна енергия!» — сказал он и подарил розовую резинку для волос.

Дело было в старом баре возле паромной переправы между Каменари и Лепетани, где мы с Серджаном договорились встретиться. А дальше — выше, в его село на экскурсию. Таков был план нашего первого свидания. В бар я забежала в поисках вайфая, чтобы сообщить о своем приезде.

Пожилой бармен указал на столик в углу зала и предложил сесть. «Я только на минутку...» Снова жест в сторону стола. Ладно. Села, осмотрелась. Ряды бутылок, вареные яйца с хлебом на стойке, мужские портреты на стенах, у одного седая борода как у Чайковского. Из посетителей — только я. Бармен принес листок с паролем и взглянул поверх очков. Что-нибудь еще? В шерстяном жилете на рубаху, брюках со стрелками и кроссовках типа «Адидас», только полосочек больше, — почему-то захотелось разговорить этого не слишком приветливого господина.

Я попросила бокал вина и похвалила бар, миксуя русский с болгарским: «Много приятно место!» Мужчина кивнул и добавил, похлопывая по обшарпанной деревянной стойке, что место к тому же «старо» и, если я правильно поняла смесь сербского с английским, история его такова: в XIX веке сюда приехал военный австриец на корабле — вот его портрет (с бородой Чайковского), открыл заведение и сам тут обосновался. Бар передавался по наследству из поколения в поколение, и так до наших дней. Вот портрет нынешнего владельца. «Обратите внимание на джук-бокс. Не работает, зато это один из первых музыкальных автоматов». У моего визави

повеселели глаза, распушились усы, ему явно хотелось рассказать больше про заведение, в котором служит, но не хватало знания английского, а мне — сербского, тогда он достал из-под стойки увесистую книгу. Это была настоящая энциклопедия бара: все причастные к его истории и множество фотографий. На одном из разворотов — нынешний владелец; он сидит в кресле, а на подлокотнике — блондинка в красном платье с декольте — мне пояснили, супруга его. И так они нежно держались за руки, голубки.

Я взяла ещё бокальчик белого и отправила Серджану сообщение, чтобы с ним торопился: вино и вареные яйца есть — всё в порядке!

Когда мы прощались, бармен объявил Серджану, что я «велика позитивна энергия!». Потом догнал на улице и вручил розовую резинку для волос. Она была не новая, и я попыталась объяснить, что это не моя вещь. В ответ последовала пантомима «как девочки заплетают косички». Мол, нужная штука, бери. И до меня дошло, что оброненная кем-то вещь — ничего другого просто не было в наличии — это подарок. Я положила резинку в карман и поблагодарила своего нового друга.

Получите, распишитесь!

Не знаю, чем заслужила удачу встретить однажды своего человека, а вместе с ним обрести свое место на Земле. Может, это было воздаяние за долгие годы жизни без собственного дома и семьи. К моменту нашей встречи я уже перестала задаваться вопросом: как так случилось, что у всех знакомых есть какие-то достижения, свое дело, мужья, жены, дети, кто-то пошел замуж по второму кругу, а у моей лучшей подруги четыре ребенка! — все получили свои посылки счастья, и только мне ничего не досталось. В то время я подрабатывала международным логистом, и почтовые метафоры вовсе не случайны. Где застряла моя бандероль?

Родители — и те перестали уговаривать меня обзавестись ребенком «для себя». Папа подвёл черту: «Риск родить дауна после тридцати слишком велик», — и зачем-то перевёл на мой счёт свои сбережения. Мама решила, что я невезучая. Имя несчастливое, или кто-то сглазил. Но это неправда! Я, например, много путешествовала по миру и постоянно подбирала бездомных животных — на них мне точно везет! То и другое стало смыслом моей жизни, держало в тонусе и не давало раскиснуть. И если задуматься, именно путешествия и животные доставили мне, в конце концов, мою посылку счастья. Странствия привели к Серджану — в его село в Черногории. А куча подобранных животных, окружавших одинокого симпатичного фермера, указала на родственную душу. Серджан тоже с одобрением отметил припасенные в рюкзаке сосиски для бездомных собак, которыми я угощала Маку, Сами и Мао. А когда я улетела в Москву, стал заваливать меня эсэмэсками: «Please come home!» Пожалуйста, приезжай домой. Домой, слышите?!

Сила компоста

Что это на меня нашло вчера: тесто дрожжевое поставила, плюшки налепила с корицей, «хреновки» (сосиски тут так называют) накрутила. И как мы налупились на ночь глядя! Ладно, — гнала я прочь угрызения совести, — один раз можно. Тем более, как оказалось, в годовщину нашей первой встречи, когда я приехала в село на мастер-класс «Сила компоста», который устраивал Серджан. Он заехал за мной на переправу в Каменари, и пока мы поднимались по серпантину в гору, пестрящую желтым метельником, рассказывал, как во время Югославских войн подростком эмигрировал вместе с семьей в Испанию, потом в Австралию. Прожил много лет в Мельбурне, но всегда мечтал вернуться на Балканы, в черногорский дом своих предков, в село с четырьмя церквями, школами, домами, лесом — эта обширная территория зовется

Целиной Матовичи по фамилии Серджана и его прапрадедов. Отучившись в знаменитой австралийской школе пермакультуры (кто не в курсе — это такой экологичный способ землевладения, когда экосистемы природы взаимодействуют друг с другом, а пестициды и химические удобрения полностью исключены), вернулся в Черногорию и организовал Исследовательский институт пермакультуры Монтенегро. Теперь восстанавливает заброшенный дом, участок, оливковый сад, выращивает фрукты и овощи. Помогают ему заезжие волонтеры из разных стран и Весо — соседский паренек. Серджан сказал, это счастливейшее время его жизни!

«Что сделать? — спрашиваю. — Может, еду приготовить?» «Нет, — говорит, — друг-полицейский будет варить фасоль на костре».

Прибыли человек пятьдесят: пенсионеры из клуба любителей пеших прогулок Тивата, жители городка Биелы, фотограф и известный балканский певец Рамбо Амадеус. Принесли выпечку, домашние вина, морсы, ракию, накрыли общий стол в старой школе. Одна женщина, глядя на меня, крикнула: «Это твоя волонтерка, Серджан?» Я говорю: «Волонтерка, волонтерка». Как знала, что буду тут годами волонтерить.

Загребая лопатой овощные обрезки, сухие листья, траву и опилки, Серджан показывал всем, как готовить компост, и увлеченно рассказывал что-то на сербском. Из его речи я поняла только два слова: «снага компоста». Снага — это сила.

Статный, высокий, в резиновых сапогах, — он широко улыбался, ерошил свою шевелюру, и постоянно у него штаны сползали, то и дело он их подтягивал. Ну, прелесть!

Глубокой ночью, когда гости разъехались, а фасоль полицейского, наконец-то, доварилась, пришла чудаковатая соседка Боса, похожая на ведьму, мы сели у костра, махнули по ракии с кофе, и такая благодать на меня снизошла!

Вернувшись в свой маленький арендованный домик в рыбацкой деревне, я кинулась молиться, чего раньше никогда не делала после первого свидания, максимум, после десятого, — просила соединить меня с этим мужчиной узами любви и брака. Чтоб жили мы вместе в его селе долго и счастливо, и да пребудет с нами навеки великая сила компоста!

Мака собака

До сих пор не могу поверить, что я здесь. Кажется, вот-вот откроются глаза и все исчезнет.

Нагретые солнцем каменные ступени ведут вдоль горы от дома к дому. С рассветом соседи сверху спускаются по ним: «Добро йютро!» Следом под грохот копыт и звон колокольчиков проносятся бараны с великолепными рогами и лохматые козы.

На деревьях поспевают гранаты, пока маленькие и зеленые, — когда-то их попробуешь? — а слюнки уже текут. Зато инжир разбух и трескается. Осы обезумели от такого пиршества, да и я немного не в себе. Мимо дерева не пройти. Нашупаешь самый мягкий мешочек на ветке, теплый от солнца, и сразу в рот.

Кипарисовые столбы у храма святого Михаила с кладбищем, а на холме — крошечная церковь Святой Теклы. Руины старого дома, поросшие плющом и дикими травами. На полуразрушенной каменной стене, словно скульптура льва, возлежит собака Мака. Здесь ее наблюдательный пункт. Не для охраны — для блаженного созерцания.

Когда-нибудь я научусь у Маки, не заботясь ни о чем, смотреть вдаль и тихо любоваться совершенством мироздания.

Праздник

Семья пастухов живет выше всех в нашей деревне. У них большое хозяйство: под сотню овец и коз, пасека, куры. Несколько раз в день братья Милан и Любо гонят свой стада к водопою мимо нашего дома, а потом идут обратно. Как табуны диких скакунов, трезвоня колокольцами на лохматых шеях, поднимая клубы пыли и оставляя после себя стойкий мускусный шлейф, скачут их козлы по каменной лестнице, что ведёт вдоль горы от одной калитки к другой. Следом несутся бараны. Каждый раз наши собаки лают на них как сумасшедшие, и те с испугу бросаются врассыпную. Пастухи орут на козлов, мы на собак — творится нечто невообразимое! И так четыре раза в день.

Время от времени, когда напуганные козлы проникают в наш огород и тут же начинают жевать все, что попадает им на пути: мини-томаты или поникшие от жары листья монгольда, — Серджан особенно сильно волнуется и вспоминает всякий раз, что эти животные своими копытами разрушают старинную лестницу — одну из достопримечательностей нашей деревни, основанной не то в XI, не то в XIV веке. Пастухи, в свою очередь, злятся на нас из-за собак. А на днях мой Филипок подлил масла в огонь, цапнув за ногу Весо — восемнадцатилетнего отпрыска Любо. На следующее утро Милан — дядя Весо, — прогоняя мимо нашего дома стадо, не здороваясь, коротко сообщил Серджану самое важное: «Твоя собака кусает людей!» И растворился в клубах пыли. Так русский пес весом восемь килограммов, перевезенный из Москвы в Черногорию в качестве ручной клади, превратился в собаку-убийцу рода Баскервилей и грозу всего Балканского полуострова.

Первое мое впечатление от встречи со стадом пугливых парнокопытных с маленькими кирпичиками в глазах («So beautiful animals», — чуть ли не хлопая в ладоши сообщила я Серджану) претерпело значительные изменения и превратилось в ежедневный кошмар.

Иногда к сходу лавины — то есть горных козлов — удается заранее подготовиться. «Beautiful animals are coming!» — сообщает Серджан, услышав пастушьи оклики, и мы тут же кидаемся перекрывать садовой тачкой проход на мост к огороду, запираем собак, закидываем в окна котлов. Что и говорить, козлы у нас сидят в печенках.

Но сегодня всё сложилось не как обычно.

Утром Весо гордо прошагал мимо нашего дома, неся на плече вертел с целым освежаванным бараном. Оказалось, соседи готовились отмечать Славу. По здешним традициям каждая семья особенно тяготеет к одному из святых, считая его своим покровителем, и раз в год празднует на широкую ногу связанную с ним дату, приглашая на угощения родных и соседей. Ныне — 21 сентября — славили Богородицу и Ее рождение.

С девяти часов возле старой школы, что чуть ниже по лестнице от нашего дома, на вертеле крутился баран, рядом мужики пили ракию, женщины готовили еду. «Иди к нам, — зывали Любо и Милан Серджана. — Ты наш самый близкий сосед!» — уговаривали. «Ваш ближайший сосед — Боса», — отшучивался Серджан. И это так, ее дом с полуразрушенной крышей стоит чуть выше нашего, и только потом — еще выше — начинается участок пастухов. Но сумасшедшую Босу не приглашают, она сама, если пожелает, приходит в гости.

Мы закрыли собак дома. В знак солидарности с местными обычаями Серджан присоединился к мужикам распивать (в 10 утра) ракию. В знак солидарности с местными женщинами я предложила Софии — жене Любо — помочь по хозяйству. Мы сходили за продуктами в их дом на вершине горы. Вместо работы мне выдали второй завтрак в виде тонких ломтиков солоноватого прошута, вяленого, присыпанного мукой, инжира и огромного куса домашнего хлеба, испеченного Милкой — звонкой,

прекрасно-голубоглазой дочерью Софии и Любо. А позже был праздничный обед с супом, салатами, пивом и бараниной, которая оказалась козлятиной. «Одним меньше», — злорадно процедил Серджан.

Приехали родственники пастухов — братья, племянники, их жены и дети, подарили Милану специальный пастуший комбинезон из ярко-оранжевой прорезиненной ткани. Милан прикладывал его к себе, шупал материю, и, кажется, под его усами была улыбка.

В старой школе за длинными столами, накрытыми клеенкой, мы сидели как одна большая семья. Ели, смеялись, поднимали бокалы «на здравле!». Никто и не думал о том, что завтра стадо опять пойдёт к водопою.

Домашний водопад

Такой грозы, как сегодняшней ночью, я ещё не видела. Грохот и вспышки молний до самого утра, потоки воды прорвались через крышу, лились через второй этаж на первый — только успевай менять кастрюльки. Серджан шутит: ни у кого дома нет своего водопада, а у нас есть! Мой папа, узнав про потоп, радостно вклинился в разговор с мамой по ватсапу:

— Что, крыша дырявая?

Да, папа, имеются прорехи, потек один уголок. Но все не так страшно. Есть люди в наших окрестностях, их вообще затопило. А мы продолжаем быть на плаву — оплот безопасности, Ноев ковчег, и всякой твари аж по три штуки.

Боса

Намедни к соседке Босе приезжали представители Красного креста. Работникам благотворительной организации дважды пришлось подняться по нашей прекрасной и вместе с тем крутой длинной лестнице. Это я их дезориентировала. Решила, что врачи «неотложки» приехали, и поскольку искали они «стару болезнь жену», отправила к пенсионерке Снежане. Слово «стара» у меня почему-то не ассоциируется с Босой.

Когда запыхавшаяся троица ушла обратно вниз по лестнице, я начала мыть посуду и, намыливая тарелки, размышляла: какая в Черногории необычная — ярко-красная — униформа у врачей. И ещё думала, что у Снежаны, наверное, «корона». Эх, надо было пойти с ними, показать дорогу.

Пока я рефлексировала, «люди в алых халатах» вернулись. Снова «добар дан» и снова объясняют, что им нужна женщина, которая где-то тут живет, и добавляют, что она «церна» — черненькая. А я им в ответ: не та ли это женщина, которая «люда» — сумасшедшая? Она, она! Обрадовались, сердечные. Так бы сразу и сказали, политкорректные мои. «Идемо», — говорю.

Не будет преувеличением сказать, что ближе нас — в буквальном и фигуральном смысле — у соседки Босы никого нет. В отличие от ее многочисленных братьев и сестер, которым до родственницы с приветом нет дела, мы приглядываем за ней. Пока я вела «медиков» к ее дому, проинформировала их, что Боса последнее время жалуется на диарею. Точнее, это Серджан жаловался на то, что Боса ему во всех деталях рассказывала о своем стуле.

«Босе», — стучу в ее пристройку-кухню. Никто не отвечает. Вообще, она любит гулять в городе, но в тот день — я видела из окна — ходила по селу без своей сумки, а значит, гуляла где-то неподалеку. Должна быть дома. «Боса, это я, Ольга», — стучу настойчивее, опасаясь, что врачи не станут ждать и уедут. Наконец-то послышалось: «Кто там?» — и Боса развязала веревки, которыми запирает дверь. Вышла, что-то жуя, и как-то не слишком обрадовалась нашему визиту.

Ольга Липко: Я ЖИВУ РАДЫЙ МОРЮ

Несколько лет назад тележурналист, переводчик Ольга Липко уехала из Москвы в Черногорию — в родное ело мужа Биельске Крушевице.

И теперь открывает и обживает этот новый для себя мир, описывает его, фотографирует и рисует...



У церкви Святой Теклы зацвёл шалфей



Пермакультурист Серджан



Beautiful animals



В семейном кругу: Майя, Томат, кот Бой и Филипок Липко



Где-то в поднебесье



Кипарисы у храма Святого Архангела Михаила. Акварель



Дворик в Каменари. Смешанная техника



Нарядная Боса. Маркеры



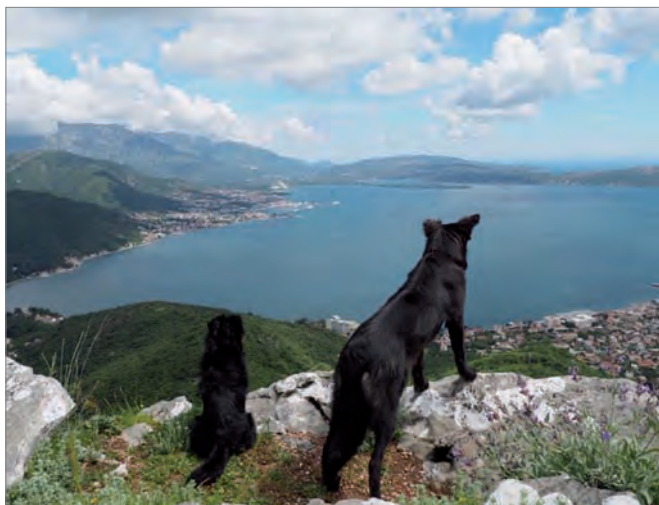
Посёлок Радовичи. Акварель



Апельсинчики. Акварель



Козёл Сокол. Акварель



Мака и Сами — дети гор



В самом прекрасном месте на Земле рядом с Серджаном

Евгений Абдуллаев

В поисках радости

«Уставать совершенно не время. Нужно сохранять оптимизм и ответственность перед временем».

Это из книги, вышедшей в 1931 году. Издана неплохим для сборника литературной критики тиражом: пять тысяч экземпляров.

Для тех, кто не успел догадаться: «Поиски оптимизма», Виктор Шкловский.

Время издания, казалось бы, менее всего располагало к подобным поискам. Да и сам Шкловский оптимистом не был. Особенно в смысле того казенного оптимизма, который через несколько лет отольется в известный сталинский мем: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Но чувство ответственности перед временем у Шкловского было. Ответственности перед читателем, перед коллегами по литературному цеху. Застрелился Маяковский, и это страшно; но есть еще Пастернак и Асеев. «Ходит, удивляя Америку, Сергей Эйзенштейн».

И финальная строка: «Это время цветет черемухой».

Пастернак тоже, кстати, пребывал тогда в трудных поисках оптимизма. Об этом все его «Второе рождение» (1932). «Тишину шагами мера,/ Ты, как будущность, войдешь...»

Ахматова едко назвала «Второе рождение» «жениховской книгой».

Сегодня — перехожу к современности — мне немного не хватает именно таких «жениховских книг». Как в поэзии, так и в прозе. В которых была бы радость жизни, хоть какая-то, а не только «безнадега точка ру». Где бы цвела черемуха. Пусть даже цветение ее обычно и предвещает возвращение холодов.

Радость — товар в русской литературе дефицитный. Если смех — то сквозь слезы. Если луч света — то в темном царстве. Если оптимистическая — то трагедия.

«От ямщика до первого поэта,/ Мы все поём уныло...» Пусть написал это классик в «Домике в Коломне», одной из самых веселых поэм в русской литературе.

В современной литературе концентрация уныния превышает уже все допустимые санитарные нормы.

Причин бегать и радоваться, конечно, не так чтобы много.

В массовой литературе повеселее. Поводы для радости там, правда, не слишком затейливые. Секс. Кулинария. Экзотические страны. Автомобили. Снова секс. Но радость жизни вообще может высекаться из чего угодно. Она, говоря языком феноменологии, интенциональна. Важна направленность сознания на радость, настроенность на нее.

Не помню за последние несколько лет ни одного счастливого — с начала и до конца — стихотворения. Разве что у Александра Кушнера, в апрельском «Урале».

Любое зданье на закате дня
Становится архитектурным чудом.
И Парфенон ему почти родня,
Оно наброском кажется, этюдом,
Вечерний свет, неотразимый свет
С его невероятными тенями
Колонны расставляет, где их нет,
А статуи тайком приходят сами.

Живой узор клубится на торце,
На трещинах играет и заплатах, —
И человек живёт, как во дворце,
Минут пятнадцать, двадцать, как в палатах,
Вознаграждён сверканием стены
Кирпичной, как сиянием чертога,
И видит, что для солнца все равны,
Все призваны, а значит, и для Бога.

У кого еще из известных (и не только известных) поэтов можно найти такой «витамин счастья»? Или для этого нужно было военное детство, эвакуация, возвращение в полуразрушенный и полумертвый Ленинград и прочее, и прочее, о чем и сам Александр Семёнович вспоминать не очень любит?

С прозой еще печальнее. Никаких сверканий и сияний, все серым по серому.

Короткий список «Большой книги», недавно оглашенный. Пятнадцать произведений. Три нон-фикшн, остальные двенадцать — художественная проза. Замечательная, менее замечательная, но вполне этой крупнейшей литпремии достойная. Большой географический охват авторов, от Петербурга до Владивостока. Широкое жанровое, стилистическое и идеологическое разнообразие.

С эмоциональным разнообразием — хуже.

В основном, опять же, все оттенки серого и печального. Где-то, у Водолазкина или Побяркиной, — светлее и серебристее. Где-то, как у Васякиной, — переходящие в безысходно-асфальтовую темь.

Оптимистически заканчивается только один текст — «Выше ноги от земли» Михаила Турбина. Но он и написан несколько слабее¹.

В длинном списке премии, по крайней мере, два произведения тест на «витамин счастья» смогли бы пройти. Повесть калининградца Сергея Миронова «Пагубная страсть» и дебютный роман москвича Льва Кузьминского «Привет, заморыши!» (М.: Лайвбук, 2023). Поэтому о них — немного подробнее.

Начну с «Пагубной страсти» Сергея Миронова: и автор не слишком известный, и текст, судя по всему, нигде не публиковался. Повесть о футболе. Спорт вообще так устроен, что невозможен без оптимизма, без настроения на победу.

¹ Турбина, на мой взгляд, подводит тяга к стилистическим изыскам, не подкрепленная достаточной наблюдательностью. «Его стерильный взгляд сторожит приборы». «Лёд всплыл, как пена». «Очки его, как колёсики, покатались вниз, он остановил их кончиком носа» (попробуйте представить...). «Маша, юная и звонкая, с розовыми от волнения щеками, ждёт ещё и ещё глубокого голоса врача». Впрочем, «Выше ноги от земли» — роман дебютный, и для дебюта, в целом, удачный.

Калининградский игрок Фёдор Кривцов, футбольная звезда, вынужден из-за травмы уйти из спорта. Жизнь катится по наклонной: начинаются запои; уходит, как водится в таких случаях, жена... Кривцов находит силы выйти из штопора; в поселке Рыбачком, где он оказался после развода, пытается создать футбольную команду из таких же неудачников. Затея, казавшаяся поначалу безнадежной, находит всё большую поддержку и в поселке, и за его пределами, а созданная команда, несмотря на первые провалы, уверенно идет к успеху...

Повесть написана по-журналистски, без особых стилистических красот, но крепко и энергично. «Команда молчала. Бахруз озадаченно шмыгал носом, Блогов поливал голову прохладной водой из пластмассовой бутылки. Мужичкий лихорадочно перешнуровывал бутсы».

Точно и со знанием дела описана футбольная игра и житейская современная российская глубинка (не совсем глухой — Калининградская область все-таки).

Но главное — присутствует тот самый «витамин оптимизма», искреннего, искрящегося и неказенного. Поэтому автору прощаешь и некоторый избыток мелодраматизма (особенно ближе к финалу), и слишком «говорящие» фамилии героев, и слишком однозначный хэппи-энд... Надеюсь, повесть будет издана и дойдет до читателя. А может, и экранизирована — она очень кинематографична (хотя близкий сюжет недавно уже был обкатан в фильме «Начать сначала» Ирины Гобозашвили).

Просится на экран и роман Льва Кузьминского. В «Привет, заморыши!» «киношность» — вполне сознательный прием. Хотя стилистика киносценария для современного романа — не новость, Кузьминский пошел на более радикальный эксперимент. «Привет, заморыши!» написан в духе телесериала, вроде «Папиных дочек» и, особенно, «Пингвинов моей мамы». Эксперимент оказался удачным: книга получилась динамичной, веселой, при том что многие сюжетные повороты в ней далеко не забавны.

«Там кричат, ругаются и дерутся, но “Привет, заморыши!” — вдохновенный гимн семейной любви» (Владислав Толстов)¹.

Согласен. Живые реплики, ненадуманная ситуация, динамично развивающееся повествование. Сама ситуация современной многодетной семьи (причем большая часть детей взята из детдома), да еще и проживающей в Москве, — достаточно нестандартна. Да и жанр юмористического романа — с элементами романа воспитания — в серьезной прозе встречается не так уж часто.

Авторское предисловие намекает, что роман имеет автобиографическую основу и, возможно, даже списан с реальной семьи. Что ж, для того, чтобы так «списать» с реальности, тоже требовался изрядный талант и мастерство.

Похоже, *семья и спорт* оказываются в современной прозе последними островками радости и оптимизма.

Что, в общем, неудивительно: и там, и там сохраняется то тепло «общего дела», без которого всякая радость где-то неполна и несовершенна. Я бы еще добавил *церковь* (в широком смысле — как общину близких по вере людей), но ярких примеров в прозе последних лет не припомню.

Это не означает, что радость и оптимизм не могут возникать на других тематических полях. Дух, как известно, дышит, где хочет.

¹ Книги февраля: пловцы, заморыши и бронепароходы // Портал «Литературно». 28 февраля 2023 г. (URL: <https://literaturno.com/overview/knigi-fevralya-2023/>). Не могу не назвать еще один «гимн семейной любви» — «Оду радости» Валерии Пустовой (2019), где радость и свет возникают на фоне трагических семейных обстоятельств.

Но в ситуации атомизации общества (не только российского), расползания по своим «зонам комфорта», девальвируются и прежние источники радости. Жизнь становится эмоционально беднее. Достаток, профессиональный успех, возможность посмотреть мир... Все эти индивидуальные удовольствия в нулевые-десятые стали почти рутинными. Средний класс успел насытиться и пресытиться ими и затосковал по ярким и сильным ощущениям (отсюда и милитаристские настроения, необъяснимые одним лишь информационным воздействием сверху). Сейчас, правда, всё пришло в движение и меняется на глазах...

Но черемуха всё же цветет. В любую эпоху и при любом политическом раскладе.

Искренне радоваться настоящему всегда трудно, видеть радость в будущем — еще труднее. Но как художественную задачу это стоит держать в уме. Даже если написать в итоге что-то радостное и не удастся, попытаться стоит. Хотя бы увидеть в обычной унылой многоэтажке чудо архитектуры, как это делает Кушнер¹. Важно желание. Пусть будет много печальных и трагических книг — но будет и «немного солнечного мая». Потому что — возвращаюсь к тому, с чего начал, — «нужно сохранять оптимизм и ответственность перед временем».

¹ Кстати, фотографы этим давно уже занимаются; есть даже страничка в соцсетях, «Эстетика е..ней», с подзаголовком «романтика городских окраин, захватывающие миры е..ней и промзон». Фотографии, на которых даже самые унылые коробки и правда «становятся архитектурным чудом».

Борис Минаев

Сиреневый туман

Я пришел на спектакль «С любимыми не расставайтесь» (театр «Около дома Станиславского») — специально, чтобы понять одну вещь.

Мне это было очень важно, и я решил наплевать на то, что писать о старом спектакле неудобно, все уже сказано, что надо поддерживать творческую молодежь, например, тут в двух шагах от Вознесенского переулка в учебном театре ГИТИСа «молодежь зажигает», новые звезды загораются и так далее... Я решил прийти за своей мыслью именно сюда.

Мысль у меня была такая: вот есть теория, что новое искусство не может существовать без актуальной повестки. Ну совсем. Если писатель, режиссер, художник не говорит о войне, о сексуальном и домашнем насилии, о проблемах равноправия женщин, о «новой этике» — всё, он уже не может считаться режиссером, писателем и художником. В какой-то мере эта новая «концепция искусства» мне близка — на одном из недавних спектаклей я сидел и думал, что я сейчас сижу в театре, оцениваю работу актеров и сценографию, а где-то люди сидят на крыше своих затопленных домов и думают, как им спастись и жить дальше.

Или еще хороший пример: режиссер Дмитрий Черняков поставил в Германии оперу Прокофьева «Война и мир». Действие разворачивается сначала на вокзале (или в общежитии), где живут беженцы, спят вповалку, устраивают вопреки всему сиротский Новый год, ну и так далее. Потом те же самые люди в камуфляже маршируют и поют патриотические гимны. Понятна, как говорится, мысль автора (в данном случае не Прокофьева, а Чернякова).

Всё так... И все же человек цепляется за старое. За старые воспоминания, за детские впечатления, за сюжеты, которые когда-то его потрясли. Человек не то чтобы живет прошлым или прячется в нем от настоящего (или страшного будущего) — он несет с собой свой мир, эту огромную постройку, которую выстраивал-складывал на протяжении всей жизни.

Да, продвинутые левые интеллектуалы хотели бы разрушить этот его «внутренний муравейник», но он старательно прячет его от них. Он не дает к нему прикоснуться.

И что же с ним делать, с этим «внутренним муравейником»?

В пьесе Александра Володина время от времени звучат конкретные даты: предположим, март 1969-го, апрель 1971-го. Пьеса, которая не сходит со сцен и столичных, и провинциальных театров уже полвека (и по которой снят одноименный советский кинобестселлер с молодыми Ириной Алфёровой и Александром Абдуловым),

построена на диалогах в суде, где рассматриваются гражданские дела — иски о расторжении брака.

И характеры, и диалоги там потрясающие, увы, вот не встречались мне свидетельства о том, услышал ли автор эти и подобные диалоги в реальном суде или это его гений подсказал такое — но сегодня эта «пьеса о любви» смотрится совсем иначе, чем раньше.

Конец 60-х, начало 70-х — строятся всё новые микрорайоны, миллионы получают отдельные квартиры, начинается «новый быт». Процесс идет уже полтора десятилетия, наверное, но именно в эти годы, конец 60-х, — «отдельное существование», отдельное от других, становится уже нормой.

Советский человек оказывается наедине с самим собой. Со своей женой. С детьми и родителями.

...И это оказалось серьезным испытанием.

Только теперь, наблюдая хрестоматийные володинские диалоги — а фирменно-отстраненная, нарочито безэмоциональная манера режиссуры Юрия Погребничко в этом театре позволяет разглядеть их глубину еще яснее, — я вдруг понял, о чем все это написано. Да, о вечных законах любви, жизни, страсти, но главным образом эти диалоги говорят о том, насколько наш советский мир оказался не готов к «частному существованию».

Все жаждали, мечтали «уехать от соседей», уединиться в своей комнате, в своей ванной, на своей кухне, даже в своем туалете, черт возьми, — но что дальше?

Как жить *самому*?

Общая человеческая «каша», общий котел (а я очень хорошо помню этот мир и ощущение постоянного присутствия в своей жизни большой массы людей) — помогал индивидууму собраться, сосредоточиться, выстроить оборону, но наступил момент, когда эта страшная каша вдруг перестала вариться.

И начался кризис.

После стольких десятилетий огромных «исторических событий», исторических испытаний, бесконечной «народной беды» — оказалось нелегко влезть обратно в нишу отдельного существования, личной судьбы. В нишу повседневности — нормальной обыденной жизни.

В спектакле Погребничко есть такой ход: старые советские песни звучат в хоровом исполнении. Все занятые в спектакле актеры громоздятся на ступени и начинают исполнять «Сиреневый туман», «Ромашки спрятались, поникли лютики», «Ландыши». Стройный хор мужских или женских голосов придает звучание то гимна, то хорала лирическим песням, написанным вроде бы для одного голоса. И сразу вспоминаешь все: такой же женский хор на свадьбах и похоронах, песни стройотрядов и «картошки», словом, советскую жизнь, давно ушедшую и оттого вроде бы милую, но и страшную тоже.

Я сидел, слушал и мучительно думал: как можно назвать этот метод Погребничко, его выворачивание и показывание того, что нельзя назвать и определить словами? Наверное, *абсурдный реализм*: как еще определить это щемящее ощущение освобождения, когда в волшебном шаре иронии помещается что-то самое главное? И когда хор серьезных мужчин в пиджаках и галстуках поет «кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда...», *оно* вдруг возникает перед тобой, это неназываемое. Не называемое никакими словами.

И все же ты ищешь их, эти слова. Да, увы, советский или постсоветский человек свое частное существование, его этику, его *норму*, его традицию — так пока и не обрел. Он так и не научился обыденности, *скучной* жизни.

...Не дожидаясь окончания спектакля, из зала вдруг выбежала какая-то зрительница:

— Нет, не хочу я все это, я на Достоевского шла!

И верно, в программке спектакля обещан в качестве лейтмотива роман «Преступление и наказание»: среди судебных сцен развода то и дело возникают Раскольников и Свидригайлов со своими мучениями.

Зрительницу можно понять — распадающийся, разлезающийся нитками и лоскутами советский мир уже невозможно воспринимать, и «старые песни о главном», которые лезут изо всех щелей, по радио, в ресторане, в вагоне поезда, — уже просто невыносимы. Но ведь и Достоевский не дает нам ответа — как жить *в одиночку*. Как жить, не оправдывая свои беды и проблемы извечным «а кому сейчас легко?», очередными историческими катаклизмами, очередным поворотом «нашей общей судьбы».

Довольно интересно заглянуть в другую реальность, в другой век — и посмотреть, а как там было с этим?

Премьера спектакля «Бовари» в Театре Наций — вроде бы с нашей жизнью, с «актуальной повесткой» никак не связана. Авторы (режиссер и автор инсценировки Андрей Прикотенко, художник — Ольга Шаишмелашвили) поставили в центр спектакля вовсе не Эмму, а Шарля Бовари — ее мужа, провинциального врача (актер Александр Семчев). Невероятно красивая, изысканная сценография находится в видимом противоречии с содержанием: доктор Бовари занимается кровопусканием, лечит запоры, вправляет кости, прописывает пилюли от колик, но если в привычном восприятии романа он, этот смешной и нелепый доктор-рогоносец, воплощает собой «буржуазную пошлость», скуку и обыденность, невыносимость мертвенного бытия, в котором ничего не происходит, — в спектакле он герой, одержимый одной женщиной, одной идеей — сделать ее счастливой.

Это его личная битва с реальностью, его личный подвиг, на фоне которого и вполне заурядная медицинская деятельность превращается в некое служение.

На спектакль стоит сходить просто из-за одного Семчева — настолько огромная сила характера, сила личности встает за каждым его движением и звуком, что вся остальная сценическая фактура как-то послушно выстраивается вокруг. (Хотя и Александра Ревенко в роли Эммы очень органична и правдива.)

Но дело, конечно, не в отдельных «театральных удачах». Весь привычный флюберовский сюжет и рисунок сломан, все как-то странно и необычно складывается, как в новом калейдоскопе, и — вдруг выплывают другие темы.

Удивительны, например, речи мэра маленького нормандского городка Ионвиля, где живут супруги Бовари. С пафосом и страстью он доказывает вверенному населению, что теперь его, населения, патриотический долг состоит в занятиях сельским хозяйством, «развитии культуры и торговли», в чуть ли не в выполнении семейных обязанностей. И лишь фрагмент его речи о «недавних исторических испытаниях» — приоткрывает смысл всей сцены.

Мы вдруг вспоминаем, что многие персонажи романа — участники или современники наполеоновских войн, бурного периода истории, вместившей в себя

и реставрацию монархии, и становление новой республики. Их «частная жизнь» выстраивается на фоне нескончаемых споров о «великой Франции» и бесконечных политических передраг.

«Пошляки и обыватели», как учили нас в советских учебниках литературы, — они как бы заново выстраивают свои законы частного, *отдельного* существования в этой, пережившей историческую бурю стране. В таком контексте судьба Эммы Бовари и ее мужа видится, конечно, совсем иначе.

Ну да, предположим, именно это вычитали создатели спектакля в Театре Наций в романе Флобера (хотя, возможно, я трактую их замысел совершенно неправильно). А что же вычитывали советские люди *тогда* — в сороковые, шестидесятые — в том же Флобере? Тогда, когда писал свои пьесы Володин, например? Или что они вычитывали в романах Золя, Мопассана, Бальзака, Ромена Ролана или других авторов, «разрешенных» советской властью к печатанию? Что искали советские люди в номерах журнала «Иностранная литература», которые жадно читали и передавали из рук в руки?

Мне кажется, кроме образа «другой жизни», жизни незнакомой, яркой и привлекательной, был и еще один момент: в этих текстах не тесно «человеческому», его не ограничивали и не помыкали им — те самые исторические бури, исторические закономерности, вообще все «историческое».

А «человеческого» тогда — очень не хватало.

...Боюсь, снова наступает время, когда мы будем искать это «человеческое» — везде. И в зарубежной прозе, и в музыке, и в театре.

Мы снова и снова будем петь эти «старые песни о главном», потому что...

Ну, хотя бы потому, что другого выхода у нас не будет. Мы обязаны сохранить свой накопленный «внутренний муравейник» — со всеми нашими книгами, воспоминаниями, личным опытом.

С нашим «Сиреневым туманом» и с нашими супругами Бовари.

Summary

Rodion Beletskij. Someone Else's Child

A couple of young robbers (remember Bonnie and Clyde?) supports themselves by snatching bags out of the hands of passersby and once accidentally steals a child from a Gypsy who had stolen him before. Out of fear and bewilderment they have to pretend to be his parents. Gradually they are getting involved into the role, but they can't even imagine how far the decision to keep the child can drive them.

Sergey Ryazantsev. Our Fathers Didn't Know

This long short story is about growing up and surviving in a small Moldavian town of the early 90-s. "When electricity in the town was cut off we were languishing from idleness in the entrances of our girlfriends' houses and dreaming of growing up and staying here. We even took a kind of oath to our emerald town... But then our mothers left it — the opposite way from our fathers. And never they met each other again".

Poetry

There are many playing techniques used in Sergey Zolotarev's poetry which lead to unexpected or even tragical comprehension of life: "Anguish as a mean of communication is the only thing left for us". The poetical space of Felix Chechic is defined not only by real geography but also by the dream and nostalgia. In the lyrics by Vera Zubareva — her own inmost world, her own atmosphere of memoirs.

The "Golden Pages of *DN*" in this issue are dedicated to the 100-th anniversary of Rasul Gamzatov, the long-time author and friend of our magazine.

Under the heading "Nation and the World"

journalist-orientalist Vladislav Dunaev shares his long-term observations over the influence Russians have had on the everyday life and culture of Japans.

Recently married and moved to Montenegro Olga Lipko tells about her experience of comprehension and settling in the circumstances of the culture new for her.

"An event, someone's conversation, look, comparison sprang to mind, the bud of a new story... In my diary I am building the plot of the day, the plot is not equal to the day, equality is impossible. Day-month-year — the coordinate. A sign to nowhere... There is no time in the diary — that is what I'm trying to explain," — warns the reader of her diary-2021 prosaist Elena Dolgipyat. The 2021-th sank into oblivion. The XXI century continues.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17, вход с Малого Гнездниковского переулка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин Лабиринт.ру в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»





Читайте:

Владимир Лим. Роман «Пылающий»

«Меня беспокоит некое раздвоение, я знаю, что лежу в коме, что в декабре рожу девочку, а в январе мне исполнится тридцать, но в то же время во мне живёт я другая, вне времени и возраста, способная мгновенно преодолевать огромные расстояния, мчаться вперёд и назад по шкале времени, проникать вглубь, умирать и возрождаться в недоступных взгляду уголках Вселенной. И где-то там, в миллиардах световых лет, за пшеничным жёлтым полем, под великой восставшей сосной ко мне приходит малыш, вкладывает в мою руку свою крохотную нежную ладонь и ведёт мимо оврага, пруда, молчаливой колокольни в деревянную избу отселившегося в другое измерение Старика. Вижу в окно на противоположной стороне улицы простой дом, обшитый фасадными панелями под каменную кладку, во дворе, на высоких качелях, — молодая красивая женщина, у неё на коленях годовалая кудрявая девочка заливается звучным смехом, чуть поодаль — черноусый парень в капитанском кителе пытается сделать селфи с ними, взлетающими над яблоневым садом. Малыш, чуть высунув кончик языка, рисует за столом у окна, поглядывая на счастливое семейство. Малыш рисует дом, качели и Дружка на цепи. — Мама, — спрашивает он, — я нежеланный? Ты поэтому не хотела, чтобы я был? Я валюсь перед ним на колени, он подхватывает детской слабой своей рукой, я хочу поцеловать эту спасительную руку, но боль — в сердце...»

